

Заботы и власть. Мориз Тассов. Нума

Немер

ХАКС

Петер Хакс

Заботы и власть.

Мориц Тассов. Нума

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71165839

Заботы и власть. Мориц Тассов. Нума:

ISBN 978-5-00218-778-2

Аннотация

Три включенные в этот сборник пьесы были написаны в ГДР, в эпоху Вальтера Ульбрихта и имели довольно печальную судьбу. Первая была со скандалом снята с репертуара «Берлинского ансамбля», по поводу второй автор судился с «Немецким театром», а третья вообще никогда не приближалась ни к какой сцене. Эти три пьесы подводили итог усилиям автора осмыслить процесс построения социализма на территории послевоенной Германии. Положив начало жанру социалистического классицизма, они оказали огромное влияние на развитие послевоенной немецкой драматургии.

На русский язык они прежде не переводились.

Для любителей интеллектуальной драмы и читателей, интересующихся философией истории.

Содержание

От переводчика	5
Заботы и власть	6
Пролог	9
Действие первое	13
Действие второе	34
Действие третье	74
Действие четвертое	98
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Петер Хакс
Заботы и власть.
Мориц Тассов. Нума

© Венгерова Э.В., перевод, 2023

От переводчика

Три пьесы этого сборника, написанные полвека тому назад, потерпевшие сокрушительное поражение в борьбе с театральной цензурой ГДР, никогда прежде не переводились на русский язык. Полвека назад, выбирая текст для перевода, я рассуждала так: Какой смысл переводить пьесу, если ей не светит жизнь на подмостках? Но то было давным-давно, в стране читателей и театралов. Нынче, в стране блогеров и любителей видеороликов, серьезное искусство прошлого обретает ценность антиквариата. Поэтому я решила перевести эти три текста, и по той же причине предпочла более позднему варианту «Нумы» (HW. Berlin: Eulenspiegel-Verlag, o.J. Bd.4) более ранний текст (Düsseldorf: Claassen, 1971).

Э. Венгерова

Заботы и власть

Пьеса в пяти действиях

Действующие лица:

Освальд Твардовски, 65 лет, секретарь парткома угледобывающего комбината «Красный молот».

Член парткома угледобывающего комбината «Красный молот».

Делегат брикетной фабрики «Эрнст Тельман»

На брикетной фабрике «Красный молот»:

Пауль Кунце, кочегар, секретарь парткома фабрики

Мельц, инженер-выдвиженец, директор фабрики

Секретарша Мельца

Юлиус Папмайер, председатель профсоюза фабрики

Макс Фидорра, 30 лет,
Герберт Цидеванг
Эдвин Фромм
Карл Раушенбах
Фриц Эртель
Эрнст Кикуль
Клементина Хофман
Хильда Биттрих
Ина Фласхаар

рабочие
формовочного
цеха

На фабрике «Стеклотара»:

Эмма Холдефляйс, секретарь парткома, 60 лет

Хеда Штоль, 20 лет
Валеска, ее подруга
Мастер-стеклодув
Технолог
Рабочий ранней
смены

работники
стеклодувного
цеха

Иост Биркенбиль, 20 лет, библиотекарь
Председатель президиума областной
партконференции
Музер
Конферансье
Аккордеонист
Жена Кунце
Нелли

Время действия первых трех актов — октябрь 1956 года,
последних двух — январь 1957 года.

Пролог

Фидорра Макс, формовщик молодой
На фабрике брикетной «Красный молот»,
Деньгами и красивыми словами
Завоевал сердечко Хеды Штоль.
Она работает в техническом отделе
На фабрике народной «Стеклотара»,
Где сортирует уголь для машин —
Отвратные червивые брикеты.
Их щедро поставляет «Красный молот»,
Где Макс Фидорра ловко гонит брак
И план успешно перевыполняет.
И он богат, а Хеда Штоль бедна.
На фабрике народной «Стеклотара»
От поставляемого Максом брака
Машин тошнит, машины застревают,
Ломаются, работать не хотят.
И Макс Фидорра в этом виноват.
И он богат, а Хеда Штоль бедна.
Но времена меняются, и с ними
Меняются и те, кто в них живет.
И коммунисты в пятьдесят шестом
Решили, что пора покончить с браком.
Но чтоб улучшить качество брикетов,
Парткому на заводе «Красный молот».
Пришлось стиль производства изменить.

И сверху донизу прошли собранья,
И продолжались с октября по май,
И было коллективом решено,
Покончить с браком раз и навсегда.
И Макс Фидорра для своей подруги
Пошел на то, чего бы никогда
Не совершил он для социализма.
Любовь цветет под черною Луной,
Брикеты снова твердость обретают,
Но медленно с конвейера ползут.
А «Стеклотара» Хеды расцвела
И план дает и перевыполняет.
На «Красном молоте» теперь народ
Все меньше зарабатывает денег,
Скрипит зубами, копит в сердце злость,
Но выхода из тупика не видит.
Три месяца терпели мужики,
Но как прожить на маленькие деньги?
Чем дольше путь, чем ноша тяжелей.
Проснулись укрощенные инстинкты.
Да, честность хороша, но что в ней толку?
Труды о своей жалеют жертве,
Жалеют об отказе делать брак.
Чем выше качество, тем меньше вал,
А значит, заработки тоже мньше.
Начальство вала требует от них,
О качестве оно бормочет что-то,
Но главное для руководства – вал.
Намеренья благие устилают

Путь заблуждения. Макс вдруг обеднел,
А Хеда Штоль ох как разбогатела
И платит по счетам теперь она
И потому всем заправляет в доме.
Ведь тот, кто платит, тот и господин.
Немецкий пролетарий Макс Фидорра
К подобному раскладу не привык,
И самолюбие его страдает.
Его достоинство уязвлено,
Ведь силой денег он лишен теперь
И силы мускулов, и силы чресел.
О силе духа уж и речи нет.
Паршиво обстоят его дела,
Любовь разрушена, осталась горечь,
Бессилие, обида, злость и стыд.
Любовь спасти могли бы только деньги.
Но денег нет – кончается любовь.
Чего же ради он любовь отверг?
Ради того, что больше, чем любовь.

Такова с начала до конца история, которую вам сейчас покажут. Но вы слышали ее в изложении поэта, а голос поэта – это очень своеобразный способ говорить о важных вещах. Ибо что такое голос поэта? Пища ангелов и мышьяк для крыс; барабан непокорных и майский дождь для скорбящих; праздничный наряд истины; сланец, сохраняющий во времени отпечаток древних птиц; адская машина на археологических раскопках; галльский язык великанов; поле гвоз-

дик на восточном краю неба; шляпа, под которой сидят орлы, коршуны и соловьи; эхо всех гор; зов, неслышимый ухом летучей мыши, как крик летучих мышей неслышен нашему в высшей степени человеческому уху.

Действие первое

Брикетная фабрика. Бюро Мельца

Секретарша ждет. Входит Мельц в грязной робе.

Подписывает три письма.

СЕКРЕТАРША

Снова пришло письмо со стекольной фабрики, опять жалоба.

МЕЛЬЦ *читает*

«Уважаемые коллеги, в ваших вагонах мы опять не нашли брикетов, только крошку и лом. Такой уголь непригоден для наших генераторов. Мы оспариваем доставку». *Секретарше.* Это – юрисконсульту. *Читает.* «Ваши брикеты бракованные, а могли бы быть качественными, все зависит от вас. Пожалуйста, поймите, коллеги, вы нас так подставляете, что мы не можем выдавать продукцию. Дирекция народной фабрики “Стеклотара”». *Секретарше.* Отнеси юрисконсульту. Он это коллекционирует. *Секретарша берет папку.* Вечная бумажная война.

СЕКРЕТАРША

Лучше бы они продали свои письменные столы. *Уходит.*

Входит делегация, сопровождаемая Папмайером.

Шахтер в униформе с большой хрустальной вазой, с ним двое горняков.

ПАПМАЙЕР

Поприветствуем коллег с комбината «Эрнст Тельман».
Они хотят вручить нам премию и чек и пожелать успехов в
труде и личной жизни.

ШАХТЕР зачитывает надпись на цоколе вазы

Приз за победу в соцсоревнованье
Народной фабрики брикетов «Красный молот»,
Продукция которой составляет
160 процентов вала в год. *Делегаты аплодируют.*
Весь прошлый года стояла эта ваза
У нас на предприятии. Мы гордились,
Что получили этот ценный приз.
Взгляните на название: наше имя
Чуть выше вашего начертано на ней.
Но удержать почетную награду
В году текущем нам не удалось,
Хоть вкалывали мы, как говорится,
На всю катушку, честно, что есть сил.
Решая непонятные вопросы,
К специалистам обращались часто
И редко получали мы отказ.
Мы часто уставали на работе,
Но в праздности нельзя нас упрекнуть.
И с грохотом выталкивали прессы
Брикеты черных медленный поток,
Сияющий, блестящий, бесконечный.
Сначала мы его считали чудом,
Но на примере вашем понимаем,
Что никакого чуда в этом нет.

Работа как работа, вот и все.
Работать может каждый человек.
И мы трудились, больше ничего.
А нынче без обиды начертали
На вазе ваше имя «Красный молот».
Оно затмит, конечно, наше имя,
Со всех почетных досок удалит.
Так новый год сменяет старый год.
Соревнование – такое дело...
Короче: либо пан, либо пропал.
По порученью фабрики «Эрнст Тельман»
Вручаем вам, коллеги, эту вазу
И премию, и братский наш привет.
Подписано и решено, коллеги.

МЕЛЫЦ

Коллега, ты все правильно сказал:
Один в соревнованье победитель
По имени социализм, коллеги.
Позвольте я под этим подпишусь.

Рукопожатье. Делегаты уходят.

ПАПМАЙЕР

Бабки все?

МЕЛЫЦ *открывает конверт с чеком, бросает конверт в вазу*

Десять тысяч.

ПАПМАЙЕР

Кто станет мастером? Кунце?

МЕЛЬЦ

Папмайер, если я как директор хоть что-то решаю на предприятии, мастером будешь ты.

ПАПМАЙЕР

Значит, Кунце. *Мельц молчит.* Кунце ничему не учился, верно? И никогда ничему не научится, а он секретарь парткома, вот и вся его квалификация. *Мельц молчит.* Кунце считает меня недоучкой, он буквально так и выразился, мне доложили. Что ж, он, конечно, прав. Я, конечно, недоучка. А как оно может быть иначе, если мастером станет он, а не я, хотя я – единственный после тебя, инженера, кто понимает, что такое фабрика? *Мельц молчит.*

Входят Твардовски и Кунце.

ТВАРДОВСКИ

Пора решить вопрос о назначении мастера. Свои кандидатуры на эту должность выдвигают Пауль Кунце и Юлиус Папмайер. Партийное руководство комбината «Красный молот» хорошо знает товарища Кунце как партсекретаря брикетной фабрики. Товарищи, вопрос в том, кто лучше подходит для этой должности в профессиональном и политическом плане.

МЕЛЬЦ

В политическом, оно так. Но товарищ Папмайер, председатель профсоюза, два года назад, на промывке сырья, полу-

чил квалификацию бригадира. Он готов и дальше повышать свою квалификацию, для чего и хочет стать мастером. *Кунце рычит.* Он не против знаний. *Кунце рычит.* А товарищ Кунце отказывается сдавать даже экзамен на котельщика. Если бы не занятость товарища Кунце на партийной работе, я бы поддержал его кандидатуру.

КУНЦЕ

И это твоя первейшая обязанность.

МЕЛЬЦ

Такова ситуация.

ТВАРДОВСКИ

Партия не имеет ничего против товарища Папмайера.

КУНЦЕ

Я ради партии из сил выбиваюсь.

ТВАРДОВСКИ

Да только, говорят, не в котельной.

КУНЦЕ

Либо занимаешься политработой, либо ворочаешь уголь.

На фабрике партийная работа – важнее всего.

МЕЛЬЦ

Не хотелось бы вдаваться в дискуссию, но товарищ Папмайер как более квалифицированный работник был бы лучшим мастером.

КУНЦЕ

Еще бы. По части подхалимства он мастер.

ТВАРДОВСКИ

Технические, так сказать, проблемы решает, конечно, товарищ Папмайер.

КУНЦЕ

Освальд, я тебя предупреждаю, не встревай. Инженеры ни хрена не соображают в политике и вечно суют палки в колеса. Освальд, за вашим братом на любых должностях нужен глаз да глаз. Мастер работает с людьми. Это и есть его прямое дело. Каждый дурак это понимает. И тебе пора бы это понять.

ТВАРДОВСКИ

Товарищ Папмайер энергичный человек?

МЕЛЬЦ

Весьма.

ТВАРДОВСКИ

Вот как?

МЕЛЬЦ

Способный, но и энергичный.

ТВАРДОВСКИ

К человеку на руководящей должности предъявляется так много требований! Хорошо, если у него найдется хотя бы два или три достоинства. Тогда он справится. Люди – странный народ. Ладно. Так тому и быть. *Пожимает руку Папмайеру, встает.* Как дела на фабрике. Есть трудности?

МЕЛЬЦ, КУНЦЕ, ПАПМАЙЕР указывают на вазу

Никаких трудностей. *Твардовски с Мельцем и Папмайером уходят.*

КУНЦЕ

Проклятое упрямство. Я надеялся к вечеру стать мастером, но не тут-то было. Так что сегодня смотрю в будущее с недоверием. Теленку с двумя головами место в паноптикуме, а такая фабрика... Чем она лучше, чем двуглавый телок?

Танцзал в клубе комбината

Портрет Ленина, разноцветные бумажные гирлянды. На эстраде барабаны и микрофон. Столы. За одним

Нелли и Раушенбах с двумя бутылками вина, Нелли все время что-то жует. За другим столом Хеда Штоль с Валеской, перед каждой маленькая кружка пива.

РАУШЕНБАХ

В 1939 году в Берлине я побывал в зимнем саду. Там у них на сцене выступали две живые саврасые лошади. В старости такие воспоминания помогают жить.

НЕЛЛИ

Неужто впрямь саврасые?

РАУШЕНБАХ

Две живые савраски, гвоздь программы. А на потолке звезды, но не обычные, а из цветного стекла, сияющие над двумя живыми белыми лошадьми. Ах, дорогая моя, и что от меня осталось? Где моя прежняя прыть?

НЕЛЛИ

Если поискать, найдется.

РАУШЕНБАХ

Может быть.

Входит Фидорра, присматривается к присутствующим дамам, подсаживается к Штоль и Валеске.

ФИДОРРА

Почему ничего не происходит?

ВАЛЕСКА

Перерыв.

ФИДОРРА

Там, где я, перерывов не бывает. *Пауза. К Штоль.* А ты интереснее, чем она.

ВАЛЕСКА

А я всего только подруга.

ФИДОРРА

Ты для меня мелковата. *Пристально смотрит на Штоль.*

ШТОЛЬ

Что касается интереса, то без вас перерыв был интересней.

ФИДОРРА *поясничает*

Ах, мое сердце!

ШТОЛЬ

Что с вашим сердцем?

ФИДОРРА

Его поразила молния.

ШТОЛЬ

Насмерть?

ФИДОРРА

Оно разбито.

ВАЛЕСКА

Нужна стимуляция.

ФИДОРРА

Стимуляция – это хорошо. Что вы пьете, девушки? Закажем что-нибудь дорогое.

ШТОЛЬ

Так вы с брикетной фабрики?

ФИДОРРА

Угадали.

ШТОЛЬ

А мы со стекольной фабрики, понятно?

ВАЛЕСКА

У нас денег нет.

ФИДОРРА

Тем лучше. *Пауза.*

Штоль роется в сумочке и вместе с Валеской уходит в туалет.

НЕЛЛИ

Раньше у меня вообще никакой свободы не было. Муж был ужас какой строгий. О нем я вам еще ничего не рассказывала. Купите мне еще чего-нибудь из еды?

РАУШЕНБАХ

Да хоть всю кухню.

НЕЛЛИ

А вы опасный человек. Муж из ревности даже хлеб от меня прятал, фрейдист чертов. У тебя, говорит, от жратвы лю-

бовный инстинкт возбуждается. Когда его позавчера посадили, я целую утку съела. В обычный вторник.

ФИДОРРА

Привет, старый пень.

РАУШЕНБАХ

Привет, Барбос. *Пересаживается за стол Фидорры.*

ФИДОРРА

А эту я не знаю.

РАУШЕНБАХ

Да это же Нелли. Жена того самого карманника, который в день зарплаты... *Изображает как тот ворует.* Ну, ты понимаешь; он теперь сидит. Она жрет как колорадский жук. Но симпатичная, не из таких, что первым делом смотрят мужику в зубы. И как тут жениться, если у тебя всего один зуб.

ФИДОРРА

А зачем тебе, в сущности, жениться?

РАУШЕНБАХ

Я вдовец, желаю жениться. Но как это делается? Хожу по вечерам в такие места, где бывают женщины. Присмотрел одну, заговорил. Она пьет. А тут и ночь наступила. Я и не заметил, сам был в доску пьяный. Оклемался, вижу: я один-одинешенек, а все стулья уже на столах.

ФИДОРРА

Ну, когда-нибудь приземлишься.

РАУШЕНБАХ *возвращается за свой стол. К Нелли*

И квартиры у меня тоже нет. Живу в общежитии на фабрике,

сплю в гамаке, это и есть мой дом.

ШТОЛЬ *возвращается с Валеской*

Он не ушел.

ФИДОРРА

Не бойсь, красавица. Я остаюсь.

ШТОЛЬ

Ни на грош такта, при таких габаритах. Вы никогда не стесняетесь?

ФИДОРРА Чего?

Появляется Конферансье, останавливается.

ВАЛЕСКА

Это вы виноваты, что у нас денег нет.

ФИДОРРА

Я?

ШТОЛЬ

У нас половина фабрики стоит из-за ваших паршивых брикетов. Генераторы, трубопроводы. Рабочие гроши получают.

ФИДОРРА

Выходит, брикеты виноваты.

ШТОЛЬ

А в том, что брикеты паршивые – вы.

ФИДОРРА

Так уж и мы?

ШТОЛЬ

А кто?

ФИДОРРА

Социализм.

ШТОЛЬ

Но брикеты – ваша продукция.

ФИДОРРА

Брикеты, да. Но не социализм. Конечно, эта дрянь ни на что не годится. Ударная работа. Говорю же: социализм – это когда избавляешься от всякой дряни.

*Возвращаются музыканты: Аккордеонист, Скрипач,
Ударник. Они играют туш.*

ФИДОРРА

На нашей фабрике тридцать рабочих, три смены И все виноваты?

КОНФЕРАНСЬЕ

У нас все хорошо. Проблемы разве что с туалетной бумагой, ха-ха-ха, говорю совершенно откровенно, ее очень не хватает. На днях вызывает меня директор театра и говорит: Бадрайзер, говорит, хочешь получить рольку? Я его поправляю: То есть рулончик? Рулон туалетной бумаги? Так что все у всех хорошо. А потом я подумал: почему министр ничего не предпринимает? Может быть, он не знает, не ведает о наших заботах? Ведь ему, кроме всего прочего, работать надо. Сажусь писать письмо министру, дескать, так и так, известно ли ему об отсутствии туалетной бумаги, и пусть он исправит положение.

АККОРДЕОНИСТ

И что, господин Бадрайзер? Он исправил?

КОНФЕРАНСЬЕ

Видите ли, когда я заканчивал письмо, мне потребовалось выйти. Я справил, пардон, нужду, и вижу, что туалетной бумаги нет. Так что я вообще не смог отправить это письмо! *Громко хохочет; Фидорра смеется. Штоль не смеется.*

ФИДОРРА

Вот дурень.

ШТОЛЬ

Что тут смешного?

ФИДОРРА

Люблю повеселиться.

КОНФЕРАНСЬЕ

Ведь у нас все хорошо. Дамы и господа, мы приближаемся к апогею нашего представления – лотерее входных билетов. Приз – бутылка крымского шампанского. *Туш. Он показывает бутылку.* Прошу всех вынуть ваши входные билеты. Сейчас из лотерейного барабана мы извлечем счастливый номер. Счастливый обладатель этого номера получит приз. Приступаем к розыгрышу. *Спускается со сцены в зал с бутылкой в руке.*

ФИДОРРА

Ты любишь крымское шампанское?

ШТОЛЬ

Очень.

ФИДОРРА

Я тоже.

ФИДОРРА

Приятное совпадение.

ВАЛЕСКА *тянет жребий, Конферансье уносит его на эстраду*

Да ведь вы его еще не выиграли.

ФИДОРРА

Я всегда выигрываю. *Туш.* А если не выиграю, могу купить бутылку.

КОНФЕРАНСЬЕ

Туш, пожалуйста. *Туш.* Выиграл обладатель номера сто сорок семь.

ФИДОРРА

Это наш.

КОНФЕРАНСЬЕ

Поздравляю. Будьте любезны подняться на подиум и подойти к микрофону.

ФИДОРРА

Если не возражаете, я предпочел бы бутылку. *Оживление в зале.*

КОНФЕРАНСЬЕ

Хотелось бы с вами побеседовать.

ФИДОРРА

А я-то думал, это бесплатно. *Оживление в зале.*

КОНФЕРАНСЬЕ

Скажите пожалуйста, господин...

ФИДОРРА

Фидорра.

КОНФЕРАНСЬЕ

Это фамилия, а имя?

ФИДОРРА

Макс.

КОНФЕРАНСЬЕ

Где вы работаете, Макс?

ФИДОРРА

На брикетной фабрике.

КОНФЕРАНСЬЕ

Кем?

ФИДОРРА

Формовщик.

КОНФЕРАНСЬЕ

Позвольте узнать, какая у вас там зарплата?

ФИДОРРА

Думаю, побольше, чем твоя. *Оживление в зале.*

КОНФЕРАНСЬЕ

Деньги – гордость активистов. *Оживление в зале.*

ФИДОРРА

Ты будешь смеяться, я и есть активист. *Оживление в зале.*

К сожалению, беспризорный. *Оживление в зале.*

КОНФЕРАНСЬЕ

Макс, могли бы вы объяснить, почему моя жена вечно жалуется на качество брикетов? *Оживление в зале.*

ФИДОРРА задумывается.

Выходит, ты ее уже не согреваешь?

Оживление в зале. Макс хочет сойти с эстрады, хватает бутылку.

КОНФЕРАНСЬЕ

Шутить так шутить. Как, собственно, делается такой брикет, Макс?

ФИДОРРА

Ну, уголь как положено измельчается.

КОНФЕРАНСЬЕ

Перемалывается, да?

ФИДОРРА

В молотковой дробилке, понял? А потом как положено высушивается. Ведь он поступает еще сырым, как мать сыра-земля. А потом как положено охлаждается...

КОНФЕРАНСЬЕ

Да что ты говоришь! Неужто всегда как положено?

ФИДОРРА

Да. Если хочешь добиться приличного качества.

КОНФЕРАНСЬЕ

Ага. А вы? Добиваетесь приличного качества?

ФИДОРРА

Хочешь шутки со мной шутить, приятель? Поздно спохватился. *Спускается в зал.*

КОНФЕРАНСЬЕ

Ваше шампанское. *Фидорра возвращается.* Ну так что?

Делаете приличные брикеты?

ФИДОРРА

Нет.

Оживление в зале. Штоль берет бумажную салфетку, пишет.

КОНФЕРАНСЬЕ

Почему?

ФИДОРРА

Почему? Слушай, друг, что ты сочиняешь быстрее, хорошую шутку или хреновую?

КОНФЕРАНСЬЕ

Хреновую, друг.

ФИДОРРА

И тебе за хорошую шутку платят больше, чем за хреновую?

КОНФЕРАНСЬЕ

Ни пфеннига.

ФИДОРРА

Значит, ты выдаешь хреновые шутки. *Оживление в зале. Всю дорогу. Оживление в зале. А нам приходится твою ахи-нею слушать. Оживление в зале. Аплодисменты. Фидорра с бутылкой спускается в зал.*

КОНФЕРАНСЬЕ

А кто получает твои дерьмовые брикеты? *Уходит.*

ШТОЛЬ *стает, Валеске*

Очень жаль, Валеска. *Уходит.*

ФИДОРРА

Ты куда?

ВАЛЕСКА

Меня просили передать вам записку.

ФИДОРРА *читает*

«Коллега! Вы хвастаетесь, что зарабатываете кучу денег за счет других людей. В отличие от вас, не нахожу в этом ничего похвального, ей-богу». *Про себя.* Ее зовут Хеда.

ВАЛЕСКА

Что она пишет?

ФИДОРРА

Пишет, что у меня слишком много денег.

ВАЛЕСКА

А по мне, не бывает мужика, у которого слишком много денег.

ФИДОРРА *обнимет ее одной рукой*

В «Локомотиве» веселей. *Они встают. На них движется высокий рабочий, Стеклодув.*

СТЕКЛОДУВ

Эй, брикетчик, вы хорошо устроились.

ВАЛЕСКА

Не заводись, Ойген.

СТЕКЛОДУВ

Я старый стеклодув-машинист. Знаешь, сколько я зарабатываю? Триста пятьдесят. А ты? Шестьсот?

ФИДОРРА

Семьсот.

СТЕКЛОДУВ

Нормально. Ничего не имею против. Ты пролетарий, я пролетарий. Солидарность – любовь пролетариев. Понятно, если не схалтуришь, зубы на полку. Нет вопросов. Вопрос как схалтурить? Вот, к примеру, такая бутылка... *Берет бутылку шампанского.* Она течет, или не течет. Третьего не дано. Если течет, тебе не платят.

У нас нельзя работать плохо, как ни старайся. Такая профессия.

ФИДОРРА

А как насчет оплаты простоя?

СТЕКЛОДУВ *мрачно.*

Два процента.

ФИДОРРА

А вы помозгуйте.

СТЕКЛОДУВ

По программе «Думающий рабочий», так что ли?

Входит Штоль, держа велосипедный замок с перерезанной цепью.

ШТОЛЬ

Мой велосипед пропал.

ВАЛЕСКА

Сперли?

СТЕКЛОДУВ

Там рядом железнодорожная ветка на строительный ком-

бинат.

ШТОЛЬ

Эти строители перекусили цепь. Только она и осталась.

ФИДОРРА

Купи себе другой велосипед, коллега.

ШТОЛЬ

На какие шиши?

ФИДОРРА

Значит, оставайся здесь.

ВАЛЕСКА

Она в деревне живет, ей без велосипеда нельзя.

ШТОЛЬ

И как я буду встречаться с моим женихом?

ВАЛЕСКА

Ее жених в другой деревне живет, до нее еще час езды.

Как им встретиться, если у нее смена, а велосипеда нет.

ФИДОРРА

И кто ее жених?

ВАЛЕСКА

Библиотекарь наш.

СТЕКЛОДУВ

Мозговитый парень. Ходит с ней по театрам и объясняет, что в пьесах правда, а что – вранье.

ШТОЛЬ

Теперь ты отвезешь меня домой или нет?

ВАЛЕСКА

Я? Теперь?

ФИДОРРА

У меня есть мотоцикл, коллега.

ШТОЛЬ

У Валески есть велосипед.

ВАЛЕСКА

А у нее есть я. *Штоль, Валеска, Стеклодув уходят. Фидорра садится за стол. Музыканты уходят.*

НЕЛЛИ *заснувшему Раушенбаху.*

Когда наемся досыта, меня любой подцепит. Говорите, вы по профессии насосник?

ФИДОРРА *встает, к Нелли.*

Пошли. *Оба уходят. Официант ставит стулья на столы. Приносит Раушенбаху счет.*

Действие второе

Партбюро комбината

Секретарь парткома фабрики «Стеклотара», Твардовски.

СЕКРЕТАРЬ

Я секретарь парткома. Отвечаю за воспитание людей и выполнение плана. Но рычаг управления – газовая котельная; если она не работает как положено, я ничего не добьюсь, никакого воспитания, никакого плана. А не работает она из-за брикетов. Вчера об этом во всеуслышание заявил один брикетчик, некий Фидорра. В танцзалах только об этом и орут. *К Твардовски.* Я пришел обсудить этот вопрос.

ТВАРДОВСКИ

Давай обсудим.

СЕКРЕТАРЬ

Нет, ты скажи, куда смотрело партийное руководство? Как вы дошли до жизни такой?

ТВАРДОВСКИ

Нет, это ты мне скажи, почему ты заговорил об этом только сегодня?

СЕКРЕТАРЬ

И это твой ответ на критику?

ТВАРДОВСКИ

Что значит – ответ? Ты в окно погляди. Все, что нахо-

дится на черной земле до горизонта, принадлежит комбинату «Красный молот». Карьер, участок вскрышных работ, инфраструктура, ветка железной дороги, административный корпус. От одного отдела до другого пешком не дойти, но руководит всем одна голова. Представь, что твоя. Если ты хорошо соображаешь, комбинат зарабатывает тысячи. А если у тебя вдруг заболит живот, комбинат за один час может потерять миллионы. Где-то, на краю света, есть у нас маленькая брикетная фабрика. Мне говорили, это наше лучшее подразделение. Гордость комбината.

СЕКРЕТАРЬ

А где были твои глаза?

ТВАРДОВСКИ

Думаешь, у меня тысяча глаз?

СЕКРЕТАРЬ

А ты хотел приглядеться?

ТВАРДОВСКИ

Да разве за всем углядишь? заметишь все недостатки? Ведь их слишком много. К счастью, в большинстве случаев скрытых. А другие скрываешь сам, отводя взгляд. Один или два принимаешь к сведению. Борешься с ними, справляешься и убеждаешь себя, что устранил их навсегда. Противоречия на брикетной фабрике до вчерашнего дня не были вопиющими. То, что не вопиет, не является противоречием. Так что, дорогой товарищ, будь у меня даже тысяча глаз, я бы закрыл их все, кроме одного, которым бы осторожно мигнул.

Ну, не хотел я разглядывать брикетную фабрику.

СЕКРЕТАРЬ

Я спорил с рабочими котельной. Они говорят, с этими брикетами ничего нельзя сделать. Нужны другие. А я им на это, дескать, нужна другая мораль. И товарищи рабочие вкалывают до потери пульса, но одной моралью печи не затопишь.

ТВАРДОВСКИ

Спорить хуже, чем отводить глаза.

СЕКРЕТАРЬ

Да, тяжкая работа, но я старался, как мог.

ТВАРДОВСКИ

А лучше бы не делал ничего.

СЕКРЕТАРЬ *задумывается.*

Может быть, мы просто уже не годимся. Времени нужны новые кадры. Молодые люди с высшим образованием и производственным опытом. Великое время. *Встает.* Я рассчитываю на то, что вы сделаете что-нибудь немедленно.

ТВАРДОВСКИ

Секретарь парткома Кунце ждет приема.

СЕКРЕТАРЬ

Хороший коммунист? *Твардовски пожимает плечами.*
Есть ли вообще хорошие коммунисты?

ТВАРДОВСКИ

Их больше, чем думают. Но, конечно, меньше, чем говорят.

СЕКРЕТАРЬ

А ты не можешь сам разобраться с этим делом?

ТВАРДОВСКИ

Нет. Это дело парторганизации фабрики. *Встает.* Ты побывал здесь, и снова приходить тебе не понадобится.

СЕКРЕТАРЬ

Товарищ Твардовски, мы в пожарном порядке стали искать другого поставщика. Нашли одного в Лейпциге. Это значит, что мы получим подходящий уголь только через три недели. Или через полгода. Если хочешь нам помочь, помоги быстро. *Уходит.*

Входят Кунце и два члена парткома комбината.

ТВАРДОВСКИ

Ты говорил, что у вас хорошо поставлена партийная работа.

КУНЦЕ

Да.

ТВАРДОВСКИ берет брикет, разбивает его ладонью, бросает на пол, где брикет рассыпается в труху.

Вот она, твоя хорошая работа.

КУНЦЕ

Это брикет.

ТВАРДОВСКИ

Понимаю. Работа хорошая, а брикет дрянной.

КУНЦЕ

Мы не рукодельем занимаемся, а выдаем сто шестьдесят

процентов плана. В районе хорошие брикетные фабрики, мы завоевали первое место. *Пауза.* Под руководством партии. *Пауза.* К партии никаких претензий.

ЧЛЕН ПАРТКОМА

Потому что вы даете сто шестьдесят процентов.

КУНЦЕ

Именно поэтому.

ТВАРДОВСКИ

Сто шестьдесят процентов дряни.

КУНЦЕ

Без материального стимула дело не наладишь. Работягу в первую очередь интересуют деньги, ведь он в первую очередь человек. Хотя при капитализме, хоть при социализме. Против природы не попрешь.

ЧЛЕН ПАРТКОМА

Когда человек не может преодолеть свою природу, это говорит о плохой политической работе.

КУНЦЕ

Сознание формируется в мозгу. Мозг наполняется через желудок. Мы набиваем живот. То есть потчуем сознание, что здесь неправильно? То, что наши трудяги довольны?

ЧЛЕН ПАРТКОМА

Самодовольные обманщики.

КУНЦЕ

Обманщики? Но ведь и вы были довольны нами, хвалили, вручали премии. И в газетах только и пишут, что о на-

шей фабрике, разве нет? А выходит, что с сегодняшнего дня героев объявляют обманщиками. Ну, и кто мы после этого? Все еще герои?

ЧЛЕН ПАРТКОМА

Не об этом речь. ТВАРДОВСКИЙ

Сегодня мы недовольны, Пауль. И ты будь недоволен собой. Мы требуем твердости, от брикетов и от тебя.

ХОФМАН *входит.*

У кого нет времени?

ТВАРДОВСКИ

У меня.

ХОФМАН

Мое время тоже на улице на валяется. *Садится, видит Кунце.* Всего наилучшего. *Хочет уйти.*

ТВАРДОВСКИ

О чем речь, коллега?

ХОФМАН

Откуда мне было знать, что здесь сидит коллега Кунце. Речь идет о коллеге Кунце.

ТВАРДОВСКИ

Прошу.

ХОФМАН

Надо же, для коллеги Кунце у вас вдруг нашлось время? Хотите узнать о нем кое-что? Так вот, коллега Кунце сказал буквально следующее: Хофман, у тебя расхождения с партией по вопросу о конфирмации, так что на премию не рас-

считывай.

ТВАРДОВСКИ

Что?

ХОФМАН

Расхождения с партий, я верующая.

КУНЦЕ

Да, злостная христианка. Крестит и благословляет всех подряд.

ТВАРДОВСКИ

Вы работаете на фабрике?

ХОФМАН

В бункере.

ТВАРДОВСКИ

И вы там одна, да? Во тьме?

ХОФМАН

Я не одна. И не во тьме.

ТВАРДОВСКИ

Как это?

ХОФМАН

Со мной Иисус, господин секретарь.

КУНЦЕ

И он ей светит.

ТВАРДОВСКИ

Помощь со стороны Иисуса, коллега, не является препятствием к получению премии. Его мы не можем премировать, значит, премия положена вам.

ХОФМАН

Благослови вас Господь, господин секретарь. *Уходит.*

КУНЦЕ

Видишь, твердости мне не занимать.

ТВАРДОВСКИ

Ты пытался ее переубедить?

КУНЦЕ

Свинью плясать не научишь.

ТВАДОВСКИ *презрительно*

Пример из жизни животных.

КУНЦЕ

Точно, жизнь животных. Можно сказать, базис. Освальд, ты имеешь дело с интеллигентными людьми. Открываешь рот, аргументируешь, они соглашаются. А тут, на земле, твои речи как об стенку горох. Остается одно: взять дубину и врезать по кумполу.

ЧЛЕН ПАРТКОМА

А ты не слишком много на себя берешь, Пауль? На совещаниях секретарей тебя не раз упрекали в беспринципности. А ты отвечал, что у вас треть коллектива – члены партии, и все в порядке, все нормально. Нет у вас никакого порядка. Где воняет, там тишина, где должна быть тишина – скандал. Ты закатываешь свои истерики от имени партии. Пауль, что такое ты и что такое партия?

ТВАРДОВСКИ

Мы победили владельцев фабрик, но теперь фабрики –

наши новые сильные враги. Нужно найти способы, подчинить их себе. Мы занимаемся сырьем. Мы применяем насилие к углю, стали, дереву. Это тоже революционно, Пауль Кунце. Будь любезен восстановить нормативное качество брикетов. Это партийное поручение. Понял?

КУНЦЕ

Понял. Не дурак. ТВАРДОВСКИЙ

Хорошо.

КУНЦЕ

Если бы ты назначил меня мастером вместо этого... *Уходит.*

ЧЛЕН ПАРТКОМА

Ничего не меняется к лучшему.

ТВАРДОВСКИ

Меняется, дорогой товарищ, все-таки меняется.

Представь, что ты спускаешься к реке

Наощупь через лес ища дорогу.

Не знаешь, далеко ли ты зашел,

Не чувствуешь, секунда или день

Тебя от цели ясной отделяет.

В одних и тех же сумерках бредешь,

Листву, кусты и сучья раздвигая.

И кажется тебе, что ничего

Вокруг тебя ничуть не изменилось:

Все тот же лес, и полутьма, и тишь.

Но вдруг исчезнет тень и брызнет свет,

И ты окажешься на берегу реки,
Достигнув трудно достижимой цели.

Брикетная фабрика
Цидеванг, Фромм, Эртель.

ЦИДЕВАНГ

Ты говоришь, он просто правду сказал?

ЭРТЕЛЬ

Ненароком. Юмор у него такой. Только захочет о чем-то
умолчать, тут же и выпаливает это вслух.

ЦИДЕВАНГ

У кого чувство юмора, человек ненадежный.

ФРОММ

И я о том же.

ЦИДЕВАНГ

У Фидорры мотоцикл и пять костюмов, вот он и щеголь-
нул своим юмором.

ФРОММ

И я о том же. Юмор, он от роскоши происходит.

ЦИДЕВАНГ

И он же роскошь губит. Из-за этого Рим погиб.

Входит Фидорра с прибором для формования брикетов.

ЭРТЕЛЬ

Ну что, Барбос, сболтнул лишнего и положил всех нас на
обе лопатки. Себя в том числе. В городе только о нас и гово-
рят. Даже по телефону.

ЦИДЕВАНГ

Слышь, Барбос, а правда, что ты вдруг заделался честным человеком?

ФИДОРРА

Я не честный. Я пьяный был.

ЦИДЕВАНГ

Пьянству – бой. Пить нехорошо.

ЭРТЕЛЬ

Он пьет, как акушерка.

ФРОММ

Как ёж.

ФИДОРРА

Пью, как хочу. А вы что, против?

ЦИДЕВАНГ

Против пьянства в принципе мы не возражаем.

Входит Киккуль, с метлой и в маске от пыли.

ФИДОРРА

Эрнст знает дорогу.

КИКУЛЬ

Дорогу на работу? Знаю.

ФИДОРРА

Я имею в виду дорогу в столовку. Будь добр, Эрнст, двигай туда и купи ящик пива. *Дает ему деньги.*

ФРОММ

Я присмотрю за этой покупкой, и чтобы сдачи хватило на бутылку светлого для меня. *Уходит за Киккулем.*

ФИДОРРА

Во влаге человек рождается на свет.

ЦИДЕВАНГ

Но впредь держи рот на замке.

ФИДОРРА

Герберт, ну, кого они могут натравить на нас? Одного Кунце.

ЦИДЕВАНГ

И Папмайера, двоих.

ФИДОРРА

Двое лучше, чем один.

КУНЦЕ *входит.*

Прочность, коллеги. Сейчас стоит вопрос прочности. В том числе политической. Коллеги, наша низкая прочность — классовый позор, нужно привести ее в порядок.

ФИДОРРА

Нужно, Пауль. Но как?

КУНЦЕ

Твердостью.

ФИДОРРА

Да, и без этого Папмайера. Разве это мастер? С тех пор, как у этого человека выросли рога, все идет наперекосяк. Он всем мешает, показывает свой университет, умничает, все ему не нравится, особенно то, что делаешь ты, Пауль. Всех застрашал, запутал, перестал быть рабочим, стал ответственным товарищем и корчит из себя Форда и Тейлора.

КУНЦЕ

Но вопрос прочности остается, коллеги.

ФИДОРРА

Ничего страшного, Пауль.

ЦИДЕВАНГ *Эртелю*

Сходи-ка в лабораторию. Интересно, как там анализы.

ЭРТЕЛЬ

Лаборантка принесет.

ЦИДЕВАНГ *сердито*

Лаборантками не интересуюсь. *Эртель уходит.*

ПАПМАЙЕР *входит.*

Коллега Цидеванг, снова у тебя хромает прочность. Мы не имеем права прогонять такие брикеты через пресс, мы должны учитывать число оборотов. Ты и я.

ФИДОРРА

Он для секретаря старается.

ПАПМАЙЕР

Для кого?

ФИДОРРА

Для Кунце.

ПАПМАЙЕР

Для этого кочегара? Для этого неуча?

ЦИДЕВАНГ

Юлиус хороший парень, Макс. Он и Кунце – это как солнце и луна, то есть Юлиус светит, а на Кунце падает лишь красноватый отблеск. Это разные вещи. *Папмайеру.* Кунце

бесится, не знает, как выглядит котел, но орет с утра до вечера. Объявил стеклянщикам, которые не тянут план, что в их разгильдяйстве мы виноваты. Ты же знаешь, как он оскорбляет людей, псих ненормальный.

ФИДОРРА

Это и тебя касается, Юлиус.

ПАПМАЙЕР

А что он говорит обо мне?

ФИДОРРА

Ведь ты же у нас профсоюз.

ЦИДЕВАНГ

Пришел Эртель с анализами.

ЭРТЕЛЬ *входит*

Нет у меня анализов. Она говорит, пусть их Герберт заберет.

БИТТРИХ *входит*

Я сама их принесла, коллеги.

ПАПМАЙЕР

Покажи, Хильда. Состав воды неплохой. Прочность должна быть еще больше, хотя и здесь мы констатируем прогресс. Еще десять-двенадцать килограммов, коллеги. И принесите их мне, чтобы Мельц оставил меня в покое. А что касается Кунце...

КУНЦЕ *входит*

Шахтерской удачи, Юлиус.

ПАПМАЙЕР

Шахтерской удачи, Пауль.

КУНЦЕ

Следишь за качеством, а?

ПАПМАЙЕР

Да. А ты что делаешь?

КУНЦЕ

Значит, мы с тобой заодно, Юлиус.

ПАПМАЙЕР

Почему бы и нет? *Идут к двери.*

ФИДОРРА

В каком смысле – заодно?

КУНЦЕ

В том смысле, что вы гоните халтуру. *Идут к двери.*

ПАПМАЙЕР

Точно. Я только что потребовал улучшить результат на десять-двенадцать кило. Хотя таких плохих показателей, как летом, уже нет.

КУНЦЕ

И я о том же. А все потому, что вы, хреновые пекари, соблюдаете свой интерес вместо того, чтобы соблюдать гости.

ПАПМАЙЕР

Конечно, на наших старушках-машинах брикетов на Всемирную выставку не испечешь. Я уж не говорю о состоянии решет и скатов. Заторы, острые края, зазубрины. Как ни старайся, трещины все равно появятся.

КУНЦЕ

Учишь меня уму-разуму?

ПАПМАЙЕР

Я говорю то же, что и ты. Только как специалист.

КУНЦЕ

Специалист?

ПАПМАЙЕР

А кто?

КУНЦЕ

Слабак.

ПАПМАЙЕР

Невежда.

КУНЦЕ

Сперва учишь меня уму-разуму, потом обзываешь. Черт возьми, Папмайер, имей в виду, дело пахнет керосином, я могу и врезать.

ПАПМАЙЕР

Кажется, ты советуешь мне исчезнуть?

КУНЦЕ

Слишком поздно, к сожалению. *Хочет ударить его, но все еще сдерживается.*

ПАПМАЙЕР *делает вид, что Кунце его ударил*

Думаешь, испугал? Пойдем, выйдем. *Уходит.*

КУНЦЕ

Я ему шею сверну, аккурат между подбородком и плечом. *Уходит.*

ЦИДЕВАНГ

Недолго музыка играла.

*Входит Кикуть с ящичком пива, в сопровождении
Фромма и Раушенбаха.*

Выпьем за вечный конец этого краткого единодушия.
Каждый берет себе бутылку. Все пьют. За вражду.

Прекрасная ночь. Улица

Кунце и Папмайер под фонарем.

КУНЦЕ

Отойди от фонаря, Папмайер, тошно смотреть на твою рожу, она меня бесит. Так и быть, извиняюсь.

ПАПМАЙЕР

Ладно, помирились. *Рукопожатие.*

КУНЦЕ

Я тебя терпеть не могу, а ты меня. Это нормально, с человеческой точки зрения, против чувства не попрешь. А пожали мы друг другу руки, так как нам стало стыдно перед партией, мы ее вроде как предали. Что мы такое, Папмайер? И что такое партия?

ПАПМАЙЕР

Я уже опоздал на один поезд. *Продолжают диалог на ходу.*

КУНЦЕ

Ночь и впрямь долгая. Но если не только говорить о единстве, но и действовать заодно, тогда эта долгая ночь – последняя ночь нашего раздора. Соревнование необходимо, сам понимаешь. Ты пойми, Папмайер, твоя смена должна стать за-

стрельщицей соревнования.

ПАПМАЙЕР

Ты не против, Пауль?

КУНЦЕ

Я за.

ПАПМАЙЕР

Я уже прозевал один поезд. *За сценой гудок паровоза.* Даже два. Но я тебя не понимаю. Наша смена – самая тяжелая. *Свет в доме.*

КУНЦЕ

А партийная группа?

ПАПМАЙЕР

Она существует?

КУНЦЕ

Половина коллектива – партийные. А куда пес, полагаю я, туда и хвост.

ЖЕНА КУНЦЕ *выходит из дома в ночной сорочке, с двумя стульями*

Садитесь. Так удобнее говорить. *Возвращается в дом.*

ПАПМАЙЕР

Красивая женщина.

ЖЕНА КУНЦЕ *снова выходит из дома*

А вы не господин Папмайер?

ПАПМАЙЕР

Угадали. ЖЕНА

КУНЦЕ

Кунце много чего про вас рассказывал.

ПАПМАЙЕР

Неужели? ЖЕНА

КУНЦЕ

Он только о вас и говорит. Вы знаете, что вы его недооцениваете?

КУНЦЕ

Не вмешивайся, женщина. ЖЕНА

КУНЦЕ

Он хороший человек, господин Папмайер. Честный, не из тех, кто только о себе думает. Или обо мне. В доме пятеро детей, а у него в голове одна политика, он, по сути, на партии женат. К примеру, весь последний месяц я его в глаза не видела, но только о нем и слышала. Ходили разные слухи. Ведь шла кампания подписки на «Нойес Дойчланд»: «В каждой семье – один читатель социалистической прессы». И кем он стал? Лучшим агитатором за подписку.

КУНЦЕ

По здешним меркам, и то хорошо.

ЖЕНА

КУНЦЕ

В масштабе округа. А когда он узнал, что я уже шесть недель назад отказалась от подписки, он такой мне скандал закатил! А теперь подсчитайте, господин Папмайер, три марки пятьдесят пфеннигов в месяц, а детям нужны зимние пальто. Не заворачивать же их в «Нойес Дойч-ланд»?

КУНЦЕ

Так. Значит, по-твоему, я слишком мало зарабатываю?

ЖЕНА

КУНЦЕ

Мало, Кунце.

КУНЦЕ

А премиальные? ЖЕНА

КУНЦЕ

Да ведь ты после каждой премии заделываешь мне ребенка.

КУНЦЕ

Бес в ребро толкает.

ЖЕНА КУНЦЕ *укутывает его в свою шаль*

Смотри, не простудись. *Уходит. Пауза.*

ПАПМАЙЕР

Я тебе толкую, что смена трудная, а ты говоришь, что в этой смене сильная партгруппа. Теперь я тебе толкую, что и партгруппа наша трудная.

КУНЦЕ

Что ты имеешь в виду? Что значит – трудная?

ПАПМАЙЕР

Да ведь на деле оно так и есть. Мы можем опираться на Кукуля и на маленькую Холдефляйс. Но остальные? Думаешь, они такие сознательные, что откажутся от денег?

КУНЦЕ

Их можно убедить.

ПАПМАЙЕР

Нельзя.

КУНЦЕ

Нельзя? Нельзя убедить? Они же люди.

ПАПМАЙЕР

Разве что Эртель – человек, а Фромм безмозглый. Вечно пьянствует с Цидевангом.

КУНЦ

Вот как?

ПАПМАЙЕР

Он с нами, но не за нас.

КУНЦЕ

Значит, нужно его разоблачить.

ПАПМАЙЕР

Как?

КУНЦЕ

Это мое последнее слово, Папмайер. Пусть наш спор решает собрание. Та же ночь. Проселочная дорога *Фидорра в мотоциклетном костюме появляется на велосипеде с биркой, на которой написано «Хеда». Ставит его и уходит. Хеда Штоль и Валеска, которая катит свой велосипед.*

ВАЛЕСКА

Если я тебя подвезу, что станет с моими шинами?

ШТОЛЬ

Вчера подвозила.

ВАЛЕСКА

Один раз еще куда ни шло, случайность. Во второй раз – это новая привычка, все равно что сразу выйти замуж. Я не транспортное средство.

ШТОЛЬ

Нам по пути.

ВАЛЕСКА

Нам было по пути, дорогая. А теперь мы должны проститься. *Отъезжает.*

ШТОЛЬ

Меня Биркенбиль ждет. Уже десять часов, а в одиннадцать ему пора уходить. На этой неделе у меня поздняя смена, а я без велосипеда.

ВАЛЕСКА *останавливается, освещает своей фарой бирку с надписью*

Здесь велосипед. Как раз для тебя.

ШТОЛЬ

Как это?

ВАЛЕСКА

Так написано.

ШТОЛЬ

На нем написано: «Хеда».

ВАЛЕСКА

Садись и вперед.

ШТОЛЬ

Это было бы шикарно, Валеска. Темной ночью на дороге стоит велосипед, мерцает в зеленом лунном свете, и оказы-

вается, что он – просто мой. К сожалению, так не бывает.

ВАЛЕСКА

На нем написано «Хеда». Тебя зовут Хеда?

ШТОЛЬ

Боязно, Валеска. А вдруг окажется, что Хеда вовсе не я.

ВАЛЕСКА

Я бы так долго не раздумывала.

ШТОЛЬ

Брось. Мне как-то не по себе.

ФИДОРРА *появляется*

Можешь садиться, подруга. Это я его здесь поставил.

ШТОЛЬ

Тогда уберите его с дороги, если он ваш.

ФИДОРРА

Мой – для тебя. Ведь ты сказала, что не сможешь увидеться со своим женихом. Бедняга. Сидит, ждет, думает о твоих прекрасных глазах, а они такие голубые.

ШТОЛЬ

Серые.

ФИДОРРА

Могу себе представить, каково это – обожать тебя и не видеть. Ужасно. Так что делаю тебе подарок.

ШТОЛЬ

А вы, брикетчики, – щедрые ребята. Днем воруете наши деньги, а по ночам делаете ценные подарки.

ФИДОРРА

Назовем это возвратом средств.

ШТОЛЬ

Мой жених — человек с образованными, так сказать, интересами. Не то что многие другие. Окончил среднюю школу в Виттенберге. Культурный.

ФИДОРРА

Вот какого мужика я тебе предоставляю.

ШТОЛЬ

Он меня на руках носит.

ФИДОРРА *указывает на велосипед*

Бери его.

ШТОЛЬ

Если возьму, то исключительно, чтобы ездить к Иосту. Из любви.

ФИДОРРА

То есть, где любовь, там и верность?

ШТОЛЬ

Не знаю. Правда, подруга говорит, нужно брать.

ВАЛЕСКА

Говорила, пока не появился этот благодетель.

ФИДОРРА

Можешь делать с велосипедом все, что хочешь, или ничего не делать. Мне все равно. Моя совесть чиста. Подумай о своем женихе, прежде чем принять решение. Не возьмешь — и не надо, на этой дороге его найдет кто-нибудь другой, но, может быть, немного заржавевшим от октябрьского тумана

или утренней росы.

ШТОЛЬ

Тогда беру. *Садится на велосипед.*

ВАЛЕСКА

Попалась птичка в сеть.

ФИДОРРА

Заткнись, болтливое животное.

ВАЛЕСКА

И не подумаю, благодетель.

ФИДОРРА

Я сэкономил тебе много времени, коллега. Так что не сочти нахальством, если попрошу у тебя полчаса. Сходи со мной на танцы в «Локомотив». Знакомый бармен забронировал для нас столик.

ШТОЛЬ

Извините, сегодня не могу. Меня жених ждет.

ФИДОРРА

Не так рано. *Идет к своему мотоциклу*

ВАЛЕСКА

Мой тебе совет, Хеда, оставь в покое этого богатого, бескорыстного человека вместе с его велосипедом и его совестью. Я подвезу тебя на багажнике.

ШТОЛЬ

Сейчас неудобно отказать ему, Валеска. Иост это поймет, у него столько такта. Пожалуйста, расскажи ему все, скажи, что я на собрании Молодежного союза.

Фидорра подъезжает на мотоцикле.

ВАЛЕСКА

Редкий экземпляр умелого ухажера. Мягко стелет.

ШТОЛЬ

Ты просто ревнуешь. *Уезжает вслед за Фидоррой.*

ВАЛЕСКА *возмущенно*

Ты просто втюрилась. *Зрителям.* Коллеги, хотите добрый совет? Никогда не женитесь на глупой бабе, лучше уж на горбатой.

Партбюро брикетной фабрики

Кикуль, Папмайер, Кунце, Холдефляйс, Эртель.

КИКУЛЬ

Совещание товарищей из нашей смены, партийной, как говорится, группы считаю открытым. Я организатор. Буду читать, не обессудьте. Так много мне не запомнить. Мозги здорово заржавели, ничего не держат, вроде как не могу найти ни начала, ни конца. Пауль Кунце все мне тут записал. Раньше, товарищи, во время восстания я вел совещания без бумажки. Помню, однажды, в двадцать первом, когда мы готовили акцию...

КУНЦЕ

Не отвлекайся.

КИКУЛЬ

А я отвлекся?

КУНЦЕ

Эрнст, мы теряем время.

КИКУЛЬ

Простите, товарищи. Возраст.

Цидеванг и Фромм, последний в очень грязной куртке, подпоясанный инурком.

ЦИДЕВАНГ

У вас есть двадцать минут до собрания. Им нужно про-толкнуть решение, помешай этому. *Уходит.*

Входит Фромм.

КУНЦЕ

В повестке всего один вопрос. Мы должны принять реше-ние о соревновании по соблюдению гостей качества.

ФРОММ *стучит по столу, садится*

Ох.

КУНЦЕ

Есть другие предложения?

ФРОММ

Нет. Поскольку нам есть что сказать по делу, не сомне-вайся.

КУНЦЕ

Тогда начнем... Только для начала я сам себя перебыю и спрошу товарища Фромма, почему я не вижу на его куртке значка нашей партии?

ФРОММ

Потому что его там нет, Пауль.

КУНЦЕ

Почему его там нет?

ФРОММ

Всякое случается.

КУНЦЕ

Всякое случается? Как революционер я таких слов не знаю.

ФРОММ

Революционер от слова «орать».

ХОЛДЕФЛЯИС

Ближе к теме.

ФРОММ

У него и слепая кишка слева.

КУНЦЕ

Что со значком?

ФРОММ

Товарищи, это не тот вопрос, который непременно нужно здесь обсуждать. *Эртель кивает, смотрит на часы.* Нам здесь постоянно толкуют о нормативах. У меня такое ощущение, что кто-то, кто в нашем деле ни уха, ни рыла, слишком надует щеки. Такое мое мнение.

ЭРТЕЛЬ

Очень правильно.

КУНЦЕ

Товарищ Фромм считает, что ношение партийного значка – вопрос мелкий. Наша партия, создавая этот значок, явно позабыла посоветоваться с кочегаром Эдвином Фроммом.

ФРОММ

Дело выеденного яйца не стоит. Ну, замарал я куртку вчера, на вокзале. Лежал на перроне. на спине.

КУНЦЕ

Почему на вокзале и на спине?

ФРОММ

Пьян был, вот почему.

КУНЦЕ

Почему ты снова был пьян, товарищ?

ФРОММ

Мы что, обсуждаем вопрос, был ли я пьян?

КУНЦЕ

Почему бы и нет?

ФРОММ

Ну, жена достала другую куртку, чистую, прикрепила к ней партийный значок и положила в карман завтрак. А я снова надел старую, как всегда. Понятно? Я всегда ее надеваю и ничего при этом не думаю. Поэтому на ней и нет значка. Я даже завтрак забыл. Купил в продмаге вареное яйцо. *Вынимает из кармана вареное яйцо. Ест перочинным ножиком.* И нечего на меня орать. Юлиус, ты-то что об этом думаешь? О чепухе, которую несет Кунце?

ПАПМАЙЕР

Думаю, товарищи, тут есть вопрос. Так вот. Когда я иду по улице как член партии, а навстречу мне по другой стороне улицы тоже идет член партии, я испытываю определенный прилив сил.

ФРОММ

Папмайер, с кем ты?

ХОЛДЕФЛЯЙС

У нас уже был такой спор с товарищем Фроммом. Весной тысяча девятьсот пятьдесят четвертого. Он и тогда отказывался носить значок в своем жилом районе.

ФРОММ

Да не отказываюсь я. Кто посмеет утверждать, что я отказываюсь носить значок? И бессмысленно к этому возвращаться. Хватит. Как раз поэтому моя жена сама заботится о партийном значке. На кой черт мне лишние неприятности?

ХОЛДЕФЛЯЙС

Значит, ты носишь значок партии рабочего класса, чтобы избежать неприятностей?

ФРОММ

Ношу, потому что ношу.

ЭРТЕЛЬ

Не носишь.

ФРОММ

Идите в задницу, коллеги.

КУНЦЕ

Мы здесь не как коллеги, Эдвин, мы – партия.

ФРОММ

Переливаем из пустого в порожнее.

КУНЦЕ

Товарищ Фромм посылает партию куда подальше.

ФРОММ

В общем, да. Прямо по партийной линии. *Бурная реакция присутствующих.*

КУНЦЕ

Товарищи, сейчас не стоит заикливаться на этом вопросе. Я хотел бы спросить вас, товарищ Фромм, как вы оцениваете возможность значительного повышения качества наших брикетов?

ФРОММ

Да нет никакой такой возможности. Нам до повышения качества как до Луны. И нам, и плану. Товарищи, подобная затея противоречит плановым целям, которые ставит перед нами наше правительство. Такое мое мнение.

КУНЦЕ

Мы заслушали мнение товарища Фромма. У кого еще такое мнение? Слово имеет Фриц Эртель.

ЭРТЕЛЬ

Если вы спрашиваете меня, значит, вас интересует мнение практика. Мы часто ставили вопрос о количестве. И я всегда был за рост количества. За рост валовой продукции. И если этот вопрос встанет опять, я непременно снова открою рот и скажу: я за количество. Сегодня стоит вопрос о качестве. Это новая постановка вопроса. Товарищи, я не против новаторства. Не против, если оно действительно оправдывает себя при всех обстоятельствах. Я даже не против качества при любых обстоятельствах. Но...

КУНЦЕ

Фриц. Мы видели, как вел себя здесь товарищ Фромм. Он вел себя как враг, а не как товарищ. Фромм также считает, что качество брикетов приводит к противоречию. Он уже давно толкает эту идею. Я спрашиваю тебя еще раз: ты за идею Фромма?

ЭРТЕЛЬ

Нет, Пауль. Нет. Если вы так со мной разговариваете, то я, естественно, за новаторство.

КУНЦЕ

Хорошо. *Пауза.* Пишем постановление собрания. У нас остаются две минуты, товарищи.

Брикетная фабрика

МЕЛЬЦ

С тем же успехом я мог бы отрубить себе все десять пальцев. Повышение качества замедлит темп производства, то есть сократит зарплаты. С моими рабочими этот номер не пройдет. Они приподнимут свои каски, прощай, дорогой Мельц, всего хорошего, дорогой Мельц, и я останусь здесь один между этими почерневшими, когда-то желтыми стенами. При социализме рабочих мест больше, чем рабочих. Когда рабочие в дефиците – это и есть власть рабочих. Их привлекают отовсюду. После тяжелых трапез мне снятся тяжелые сны о великих стройках, о комбинатах, о социалистических городах; они протягивают свои огненные руки и пожирают моих людей. Папмайер! *Тот входит.* Папмайер, это я

назначил тебя мастером. Говорю тебе: соревнование за качество толкает всех нас в пропасть. Я против.

ПАПМАЙЕР

Вот ты и сказал это.

Брикетная фабрика

*Цидеванг, Биттрих, Фидорра, Раушенбах, Эртель, Холде-
фляйс, Хофман, Киккуль, Папмайер и Мельц. Кунце.*

ПАПМАЙЕР

Коллеги, коллега директор предлагает начать соцсоревнование.

МЕЛЬЦ

Все промышленные брикеты, которые мы производим, идут на стекольную фабрику. Тамошние коллеги не могут с ними работать, вы это знаете, и к нам поступают рекламации. Как положить этому конец? Я думаю, надо бы объявить соревнование, в котором участвовал бы весь наш коллектив. Смена против смены., чтобы получить лучшее качество. Назначена премия в размере двух тысяч.

ЦИДЕВАНГ

Где Фромм?

КУНЦЕ *Папмейеру*

Фромма с нами нет.

ЦИДЕВАНГ

Он не с вами? *Фидорре.* Они все заранее решили.

КУНЦЕ

Мы ждем коллегу Фромма.

ЦИДЕВАНГ

Пока ждем, автобусы уйдут.

ФИДОРРА

Кто получит премию?

ПАПМАЙЕР

Лучшая смена.

ФИДОРРА

То есть та смена, которая даст прежний объем продукции, если ей повезет. Остальные – зубы на полку. Ведь как я понимаю, мы должны сократить продукцию.

МЕЛЬЦ

Ни в коем случае. Но выдавать продукцию лучшего качества.

ФИДОРРА

Бред сивой кобылы.

ПАПМАЙЕР

Возможны небольшие штрафные санкции. Как временная мера.

РАУШЕНБАХ

Нам было объявлено, что здесь будет решаться вопрос о соревновании, а не о штрафах. Мы провели много соревнований, в охотку. В честь партсъезда, основания республики, юбилейного года. Почему нам грозят штрафами? Когда речь о соревновании, всегда следует сперва спросить: что с него обломится? Сколько червонцев?

ПАПМАЙЕР

Уж такие вы тут бедные?

ЦИДЕВАНГ

Встречный вопрос. Почему соревнования всегда предлагают люди, которые сами не соревнуются и ничего не теряют?

ПАПМАЙЕР

Иначе вообще ничего нельзя сделать.

ФИДОРРА

Выходит, если рабочий поднимется из шахты целым и невредимым, ему и оклада хватит. А заработать сверх того – это для рабочего слишком много чести. Типичный капитализм. Коллеги...

Штоль и Технолог.

ТЕХНОЛОГ

Мы со стекольного завода, рабочие. Кормим наши генераторы вашими брикетами. Не потому, что мы этого хотим. Мы не получаем никаких других. Генератор производит газ для отопления. *Рисует мелом на стене генератор.* Генератор. Помещенные в него брикеты сгорают до углекислого газа, мы восстанавливаем его до угарного газа, а это и есть основной компонент генераторного газа. Коллеги, если в генератор засыпать лом или брикеты с низкой жаростойкостью, то настоящий слой шлака не получится. Говорю вам об этом потому, что два наших генератора задохнулись, а в третьем воздух проник аж в зону газификации. Газ загорелся. Чтобы огонь не перекинулся на главный газопровод, мы останови-

ли этот генератор. Из наших четырех генераторов, коллеги, работает один. Какие последствия, коллеги? Мы еле нагреваем два чана, у нас действует только одна ванна. Вся наша фабрика – сплошная ремонтная мастерская. А ведь мы на почасовой оплате. Когда придется отключить ванну, можем разойтись по домам. Вот так, коллеги.

ЭРТЕЛЬ

Вы очень интересно объясняете. Может, все не так уж и плохо.

ШТОЛЬ

Очень плохо, коллеги. Ваша печь работает, потому что наша стоит. Вы по воскресеньям едите телятину, а мы хлебаем суп из топора. Вы покупаете по костюму в год, а мы вообще не покупаем одежду. У вас полный мешок наших денег. Считаете, это справедливо? Мы делаем бутылки, вы делаете брикеты. Бутылки так же нужны, как брикеты.

БИТТРИХ *пьет пиво из бутылки*

Чушь. ТЕХНОЛОГ

Мы делаем бутылки по плану и по плану экспорта. Мы нужны настолько, насколько нужен план.

ШТОЛЬ

То, что мы бедны, а вы богаты, – несправедливо. Вы рабочие, как и мы. Вы принимаете участие в строительстве социализма, как и мы, живете в тысяча девятьсот пятьдесят шестом, как и мы, у вас нет другого календаря. Вы живете не так, как работаете.

ЦИДЕВАНГ

Век равенства еще не наступил.

ТЕХНОЛОГ

Но век эксплуатации миновал.

ШТОЛЬ

То, что мы бедны, – несправедливо. И то, что вы богатеете за наш счет, – несправедливо.

РАУШЕНБАХ

Я тебе в отцы гожусь, коллега.

ШТОЛЬ

Слава богу, моя мать не была слепой.

РАУШЕНБАХ

Ты такая справедливая, потому что слишком молода.

ШТОЛЬ

Лучше быть слишком молодой для вранья, чем слишком старым, чтобы поступать по совести.

РАУШЕНБАХ

Рабочий человек приучен думать о себе.

ШТОЛЬ

Кто только о себе думает, не так уж много соображает.

РАУШЕНБАХ

Кто сколько думает, зависит от того, чем набито брюхо.

ШТОЛЬ

Тогда понятно, откуда появляются твои мысли.

БИТТРИХ

Он хочет сказать, что качество обеда важнее, чем каче-

ство брикета.

ТЕХНОЛОГ

Он будет дерьмо жрать, если не будет социализма.

ЭРТЕЛЬ

Давайте спорить по существу.

РАУШЕНБАХ

Брикетная фабрика принадлежит нам, это и есть социализм.

ШТОЛЬ

Ты дурак? А как насчет стекольной фабрики?

РАУШЕНБАХ

Она за словом в карман не полезет

ХОЛДЕФЛЯЙС

Если взглянуть с партийной точки зрения...

БИТТРИХ

А ты что скажешь, Барбос?

ФИДОРРА

Коллеги, я говорю, что мы недостаточно разбираемся в брикетах. *Одобрительный смех.* Нет. Я не шучу. Я в буквальном смысле. Я имею в виду, мы просто не знаем, когда считать, что брикет готов. Мы считаем, что раз брикет продается, значит он готов. Но это капитализм.

КУНЦЕ *Технологу*

Беспартийный.

ФИДОРРА

То, что брикет продается, не является его особенностью.

Его особенность в том, что он греет. Если мы делаем брикеты, которые продаются, но не греют, то мы ничего не знаем о брикетах.

ЦИДЕВАНГ

Ты понимаешь, куда он гнет?

РУШЕНБАХ

Да. Она ходила с ним на танцы, но после этого – ничего. Сегодня он разговаривал с мостовым краном и называл его Хедой.

ЦИДЕВАНГ

Так он спятил из-за этой девки?

РУШЕНБАХ

Не политически.

ФИДОРРА

Я поддерживаю коллегу Мельца, нравится ему это или нет. Я за соревнование.

ПАПМЕЙЕР

Кто за?

КУНЦЕ, КИКУЛЬ. ХОФМАН, потом ЭРТЕЛЬ

За.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Если взглянуть с партийной точки зрения...

ЦИДЕВАНГ

Коллеги, к чему пролетария призывает Гете? Человек, будь честен, добр и готов прийти на помощь. Ибо только это отличает тебя от всех известных нам существ. Стыдно даже

говорить о том, хотим ли мы помочь в беде нашим братьям по классу. Не так ли? Не о чем говорить. Эти десять кило прочности нам под силу. Условия соревнования предлагаю принять единогласно. *Аплодирует. Все аплодируют, расходятся.*

ФРОММ *стоя перед табличкой «Запасной выход»*

Это указание свыше, что для честного человека всегда есть выход. Расскажу американцам, как несправедливо меня преследовали и каков объем нашей ежемесячной продукции. *Уходит.*

Действие третье

Комната Хеды Штоль

БИРКЕНБИЛЬ *входит в промокнутой одежде*

Кажется, она приготовила мне сюрприз, и ей не терпится его преподнести. Звонит по телефону, говорит, приходи немедленно. Спрашиваю, почему? Так надо, говорит. Я подчиняюсь, но немного задерживаюсь, иногда полезно заставлять женщин ждать. *Заглядывает в шкаф, находит бутылку.* Ага. Шампанское.

ШТОЛЬ *входит из кухни, принаряженная, по ее средствам*

Ты только что пришел?

БИРКЕНБИЛЬ

Только что.

ШТОЛЬ

Теперь уже поздно.

БИРКЕНБИЛЬ

А тебе не терпится?

ШТОЛЬ *накрывает стол на двоих*

Да-да. Я должна успеть сказать тебе, что я тебя не люблю.

БИРКЕНБИЛЬ

Как это, не любишь?

ШТОЛЬ

Полюбила другого.

БИРКЕНБИЛЬ

Какого другого?

ШТОЛЬ

Он любит меня. Его зовут Барбос.

БИРКЕНБИЛЬ

И поэтому ты заставила меня тащиться сюда всю дорогу под дождем?

ШТОЛЬ

Но ты же должен это знать.

БИРКЕНБИЛЬ

С такой ерундой можно было подождать.

ШТОЛЬ

Нельзя. Потому что мой новый мужчина придет через десять минут. И я хочу ему сказать: это твой дом. Это дом для многих друзей, но не для двух мужчин.

БИРКЕНБИЛЬ

И ты даешь мне десять минут?

ШТОЛЬ

Время вносит беспорядок. Послушай, Иост, он потрясающий. Сильный, высокий, прямо великан. А как танцует!

БИРКЕНБИЛЬ

Танцует? Ты терпеть не можешь танцы.

ШТОЛЬ

Я терпеть их не могу. Но когда он говорит: «Пойдем потанцуем!», я чувствую, что танцы – самое роскошное удовольствие на свете. Что я ни за какие коврижки не смогу

ни усидеть, ни устоять на месте. Конечно, когда он говорит: «Давай присядем!», это что-то другое. Всю ночь мы просидели на скамейке и к утру совсем окоченели. Знаешь, каждое его слово становится большим и важным и имеет власть над моей душой.

БИРКЕНБИЛЬ

Может, он гипнотизер? Ты заметила, что у него странный неподвижный взгляд?

ШТОЛЬ

У него прекрасные глаза. И благородное сердце, ведь это он подарил мне велосипед.

БИРКЕНБИЛЬ

Так это брикетщик?

ШТОЛЬ

Да.

БИРКЕНБИЛЬ

Женщины – загадочные натуры, вечно гоняются за деньгами.

ШТОЛЬ

И все с нашей фабрики должны сказать ему спасибо. Именно из-за него брикетная фабрика проголосовала за соревнование.

БИРКЕНБИЛЬ

Ну да, у него достаточно денег, чтобы позволить себе такой жест.

ШТОЛЬ

Да ведь он сам себя разоряет.

БИРКЕНБИЛЬ

Такие, как он, понятия не имеют, что значат деньги.

ШТОЛЬ

Ради меня он изменил свои взгляды. *Берет шампанское из шкафа, хочет уйти в кухню.*

БИРКЕНБИЛЬ

А ты покупаешь ему шампанское?

ШТОЛЬ

И дорогое. Он любит крымское. Я все про него знаю. А ты что вообще пьешь? Ну, ладно. А теперь уходи, Иост.

БИРКЕНБИЛЬ

Я остаюсь ради тебя.

ШТОЛЬ

Да уходи же.

БИРКЕНБИЛЬ

Я хочу сделать тебя счастливой.

ШТОЛЬ

Ладно, ладно, тебе действительно пора уходить.

БИРКЕНБИЛЬ

Ты сошла с ума, выгоняешь меня на улицу в такой дождь. Льет и льет. Мы помолвлены уже год, целый год. Чтобы разорвать помолвку десяти минут не хватит. Между нами встал какой-то мужчина. Он может уйти. А то, что было между нами, уже никуда не уйдет. Я знаю тебя, Хеда, как свою душу. Ты тип женщины-матери, а не потаскушка. Я на тебя рассчи-

тывал.

И тут приходит какой-то парень, сует руку в штаны и звякает монетами. Но это же не повод, чтобы вышвыривать меня как ношеную рубашку. Говорю тебе, я этого донжуана и убить могу. Я остаюсь.

Входит Фидорра в мотоциклетном костюме.

ШТОЛЬ

Да, садись. *Выбегает в кухню.*

БИРКЕНБИЛЬ

Иост Биркенбиль.

ФИДОРРА

Интересное имя – Биркенбиль.

БИРКЕНБИЛЬ

Мое имя Иост.

ФИДОРРА

Тоже хорошо.

БИРКЕНБИЛЬ

В каком смысле?

ФИДОРРА

В каком смысле?

БИРКЕНБИЛЬ

В смысле культуры общения.

ФИДОРРА

Хотите сигарету?

БИРКЕНБИЛЬ

Что вы скажете, например, о конфликте в современной

драме? Вы за социалистический реализм или за реалистический социализм? *Фидорра задумывается.* Важным вопросом культуры является и вопрос о дидактике. Дидактика – это все равно что диалектика, говоря по-немецки, хладнокровие. Я перевел вам иностранное слово, так как не презираю простых людей. Двери в культуру открыты для каждого, кто к ней стремится.

ФИДОРРА

Раз уж на то пошло, я уже имел дело с культурой. Пригласили нас как-то на экскурсию о певчих птицах немецкой родины. Надо сходить, говорят. Решил, схожу, другие же пойдут. Другие тоже пришли, и всеми командует какой-то эксперт. Мы движемся, так сказать, гуртом по немецкой родине и прибываем на место, где что-то зеленеет. Эксперт объясняет, мол, это щавель, он съедобен, и предлагает пожрать щавеля. Все жрут щавель. Я жру щавель. Ладно, двигаемся дальше по немецкой родине, попадаем в другое место, опять что-то зеленеет. Эксперт поясняет, мол, это мать-и-мачеха, тоже съедобная, велит нам жрать мать-и-мачеху. Все жрут мать-и-мачеху. Я тоже. Слушай, мы не прошли и тридцати шагов, а там уже зеленеет пастушья сумка. Эксперт объясняет, мол, пастушья сумка съедобна, и просит ее отведать. Все жрут пастушью сумку. Ну, я надеваю куртку, посылаю эту экскурсию куда подальше и отправляюсь домой пить пиво. Вот она ваша культура, молодой человек, с таким же успехом я мог бы сожрать свой палисадник. *Вынимает из портфеля*

три бутылки шампанского.

ШТОЛЬ *входит*

Три бутылки?

ФИДОРРА

Ты же обожаешь шампанское.

ШТОЛЬ

Шестьдесят три марки, шестьдесят пфеннигов.

ФИДОРРА

Так что не говори о деньгах.

БИРКЕНБИЛЬ

Видишь, он не знает, что это такое.

ШТОЛЬ

Он не уйдет.

ФИДОРРА

Выпьем, и уйдет.

ШТОЛЬ

Спасибо тебе большое. *Тоже садится. Пауза.*

ФИДОРРА

Я люблю тебя, коллега.

ШТОЛЬ

Безумно?

ФИДОРРА

Безумно.

ШТОЛЬ

Я тебя тоже безумно люблю. Знаешь, я первый раз так влюбилась, а мне уже двадцать.

ФИДОРРА

Поверь, я последний раз так влюбился. А мне только тридцать.

ШТОЛЬ

Скажи еще раз.

ФИДОРРА

Что?

ШТОЛЬ

Что ты всегда будешь любить меня.

ФИДОРРА

Мое сердце принадлежит тебе целиком и полностью, а не на два или три сезона.

ШТОЛЬ

Это очень важно, Макс, потому что теперь ты мое все, вся моя жизнь.

БИРКЕНБИЛЬ

Коллеги, подобные речи вряд ли предназначены для ушей третьих лиц. Может, умерите свой пыл? *Пауза.* А дождь все льет и льет.

ШТОЛЬ

Какой дождь, Макс! Какой чудесный дождь!

Брикетная фабрика. Лаборатория

В лаборатории Биттрих, у входа в лабораторию Цидеванг.

ЦИДЕВАНГ

У одного из наших случился приступ великодушия, и мы

проголосовали за повышение качества. Трогательная сцена. Десять дураков разрыдались от умиления. Наплакали десять соленых луж. И радостно отдали все. Кретины. Они думают, что внесли скромную лепту. А она такая же маленькая, как пресловутый мизинец, к которому прицеплены огромная задница и набитый потрохами живот. Ведь толстый конец не меньше зависит от тонкого, чем тонкий от толстого. Я так им и скажу: если дадим задний ход сейчас, то уступкам не будет конца. И раз на кон поставлено все, я предлагаю идти ва-банк. Пусть не в моих силах было уменьшить угрозу, в моих силах представить ее огромной. Они думают, что вырыли маленькую ямку, а я им покажу, что что не ямку они вырыли, а собственную могилу. *Входит в лабораторию.* БИТТРИХ

Я ждала тебя.

ЦИДЕВАНГ

Ерунда. В это время?

БИТТРИХ

Я жду тебя каждую минуту, каждый день, в этом моя жизнь. *Целует его.* Любишь меня? Я знаю, любишь, ведь ты так сказал, а ты не умеешь лгать.

ЦИДЕВАНГ

К делу. *Берет со стола листок бумаги.* Анализы липовые?

БИТТРИХ

Да, Герберт. Как всегда. Как ты хочешь.

ЦИДЕВАНГ

Очень хорошо. *Рвет листок.* С сегодняшнего дня будешь делать честные анализы, ксилолом, а не карандашом. Покажешь все как есть, пусть увидят. И приведи в исходное положение все измерительные приборы, все шкалы печатного блока. Выполняй.

БИТТРИХ

Да, Герберт. Но если мы хотим выиграть соревнование...

ЦИДЕВАНГ

Молчи и делай, что велено. Я слышал, некоторые личности требуют правды. Они ее получают. Они получают столько правды, что их собственная правда рядом с ними будет выглядеть как дерьмо рядом с младенцем. *Идет к двери.*

БИТТРИХ

Придешь вечером?

ЦИДЕВАНГ

Ты хорошо меня поняла?

БИТТРИХ

Да. Придешь вечером?

ЦИДЕВАНГ

Да.

Брикетная фабрика. Лаборатория

Папмайер, Мельц, Кунце, Цидеванг, Биттрих

ПАПМАЙЕР

Это кошмар, страшный сон. Все приборы врут. Показатели, на которые мы ссылаемся, взяты с потолка. *К Биттрих.* И ты не заметила?

БИТТРИХ

Заметила.

ПАПМАЙЕР

Должна была давно заметить.

ЦИДЕВАНГ

Сам-то ты никогда не замечал.

ПАПМАЙЕР

Мы не могли это заметить, коллеги. Мы должны полагаться на измерительные приборы, на что же еще? Критически мыслящий человек исследует все. Но инструмент исследования должен быть надежным. Не подвергать же сомнению пробный камень? А потом что? Проверять этот камень другим пробным камнем? Когда результаты удовлетворительны? Так и с ума недолго сойти. Н-да, удовлетворительны. А как мы ругались со стекольной фабрикой. Заявляли, что они преувеличивают, придираются, что бывают брикеты и похуже наших. А выходит, они не преувеличивают, не придираются, и хуже наших брикетов в мире нет. Мы мошенники с чистой совестью. Без вины виноватые.

БИТТРИХ

Мы видели, что брикеты непрочные.

ПАПМАЙЕР

Но если показания приборов соответствуют нормативам?

Брикетная фабрика. Пересменка

Приемка брикетов. Транспарант: Смена А участвует в соревновании за высокое качество. Хофман, Фласхаар.

ФЛАСХААР

Меня зовут Ина Фласхаар. Буду работать в бункере, где работала ты. Почему ты оттуда ушла? Говорят, так распорядился Твардовски, секретарь парткома комбината. Почему?

ХОФМАН

Антирелигиозный трюк. Дескать, здесь светлее.

ФЛАСХААР

Светлее, но оклад тот же. Я знаю, я расчетчица заработной платы. Я сидела в бараке, за письменным столом, там только дерево и бумага, и считала: производственная зарплата, средняя зарплата, сдельная зарплата, у меня в голове прямо что-то вроде счетов. Я вовсе не жалуюсь. Одна работа похожа на другую, удовольствие получаешь позже. Я, к примеру, состою в боулинг-клубе. А ты, например, любишь работать? Никто не любит работать. Все любят жить. Живут на деньги, ради них и вкалывают.

ХОФМАН

Теперь ты больше этим не занимаешься?

ФЛАСХААР

Еще займусь. Как-то раз я рассчитала зарплату на брикетной фабрике и сравнила ее со своей, и разница была такая, что я теперь здесь.

ХОФМАН

Значит, поэтому.

ФЛАСХААР

Поэтому. Потому что здесь звенит монета. *Хофман мол-*

чит. Разве нет? Хофман молчит. Фласхаар недоверчиво. Я слышала, здесь какое-то соревнование.

ХОФМАН

Соревнование за двенадцать кило прочности, чтобы положить конец греху.

ФЛАСХААР

Причем тут грех?

ХОФМАН

Бог сотворил человека хозяином, в том числе угля, и я верю, что однажды Он взвесит здешние анализы на Страшном суде в долине Иосафатской. Вот где они широко раскроют глаза, эти молодые сопляки. Боюсь, брикеты слишком опустят чашу весов. Но они прибывают уже треснувшими, а трещины не исправишь бережным обращением. *Фидорра. ФИ-*
ДОРРА

А соревнование-то идет? Правда, мы сделали килограмм, а нужно еще одиннадцать. Но мы все все-таки перевыполняем норму на целых сорок процентов.

ФЛАСХААР

На сорок процентов? Вчера перевыполняли на шестьдесят. *Достает блокнот, считает.*

ФИДОРРА

Небольшое случайное колебание. *Фласхаар плачет. Он приходит в ярость. Скат слишком короткий. Откуда возьметс*
я прочность и исчезнет давление на слайд?

ФЛАСХААР *обращаясь к Хофман*

Я рассчитывала на шестьдесят. Прости, что плачу. И не из-за греха, а потому что дело в деньгах.

Кикуть.

ХОФМАН

Ты из лаборатории, Эрнст? Что там?

КИКУЛЬ

Там теперь все правильно. Мы с Цидевангом шли сюда, чтобы поставить всех в курс дела, но он вдруг захромал, и я пришел раньше.

ФЛАСХААР

Слава Богу.

ХОФМАН

Нет, это не Бог улучшил брикеты. Ведь не Бог же раньше их портил? Это формовщик, который вдруг захромал.

ЦИДЕВАНГ *входит*

Я из лаборатории, товарищи. Прихрамываю, как видите. Но вы уже в курсе дела.

ФИДОРРА

Значит, качество в норме?

ЦИДЕВАНГ

К сожалению, нет.

ХОФМАН

Выходит, Макс все-таки прав?

ЦИДЕВАНГ

Что он говорит?

ФЛАСХААР

Говорит, что дела плохи, не хватает одиннадцати килограммов. *Сморкается.* Я прямо разрыдалась.

ЦИДЕВАНГ

Он прав, что дела плохи, но ошибается, что не хватает одиннадцати килограммов.

ФЛАСХААР *с надеждой*

А это не так?

ЦИДЕВАНГ

Не так, детка. Сидела бы ты лучше дома со своими платками и слезами. Не хватает тридцати четырех.

ФИДОРРА

Тридцати четырех?

ЦИДЕВАНГ

Тридцати четырех.

ФЛАСХААР

Я разорена. *Вычисляет.*

ЦИДЕВАНГ

Абсолютно. Не знаю, что знает Макс, но мы так и сказали этому старому...

КИКУЛЬ

Вы сказали: убирайся, старый осел, все в порядке.

ЦИДЕВАНГ

Мы сказали, что печатный блок в порядке. Оказалось, что печатный блок давал неверные показания, и другие приборы тоже. А теперь мы с Хильдой их отрегулировали. Папмайер тоже там был. И не хватает нам до так называемых норма-

тивных показаний не двенадцати, а тридцати пяти кило. А у нас соревнование, из-за которого мы обязались повесить прочность наших брикетов на тридцать пять кило. А соревнование у нас из-за Барбоса и его птички. *Фидорра вскакивает.*

ХОЛДЕФЛЯЙС *входит*

Товарищи, мы уже добились весьма положительных результатов. У нас есть ясность, и мы на правильном пути; возможно ли желать большего? Мы доказали, что мы – люди новой формации, и у нас высокая мораль. Вот теперь мы сможем повесить качество и гордиться собой; ибо нет большей радости, чем общественное благо. *Уходит.*

ФЛАСХААР

Я все рассчитала. О плане уже не может быть и речи. Значит, почасовая оплата. *Рыдает.* Меньше половины прежнего заработка. Это конец, конец.

Красная звезда на брикетном заводе гаснет.

Красная звезда на стекольном заводе вспыхивает.

Технолог возвращается домой с дежурства.

ТЕХНОЛОГ *глядя на звезду*

Доброе утро, звезда, старый друг. Такой как сейчас ты мне нравишься, потому что сейчас я нравлюсь себе. *Публике.*

Приятель старый, красная звезда,
Людей рабочих символ цвета крови.
Когда бледнеешь ты, то кровь твоя
Нам в голову бросается, и мы

Краснеем от стыда. Зато когда ты
Так ярко, как сейчас, сверкаешь в небе,
Рабочий класс спокойно и достойно
За дело правое ведет борьбу.

Стекольная фабрика. Двор и ворота. Утро
Штоль, Валеска, Стеклодуд идут с работы домой.

ТЕХНОЛОГ

Сегодня вечером мы выполнили план. Предлагаю устроить собрание.

ВАЛЕСКА

Да, а после собрания выпить за то, что меня уже не воротит от бутылок. До сих пор мы их только производили, но теперь купим и, может быть, жутко напьемся, как принято у людей с деньгами.

ТЕХНОЛОГ

Согласен. У кого флаги?

ШТОЛЬ

Тот, у кого флаги, заболел.

ВАЛЕСКА

Он их запер, потому что этот праздник не числится в его календаре.

ТЕХНОЛОГ

Плохо, что флагов нет.

ВАЛЕСКА

Здесь некоторые бабы носят красные фартуки и красные платки. Могу прикрепить их к рейкам проволокой. Вот вам

и флаги, и хватит с вас, если вы считаете, что революция уже победила. *Уходит.*

ШТОЛЬ

Расскажи на собрании о брикетной фабрике, они из-за нас в пролете.

ТЕХНОЛОГ

Я буду говорить о солидарности. Потому что сейчас мы крепко стоим на ногах благодаря солидарности, и чем больше людей это поймет, тем лучше.

СТЕКЛОДУВ

Сначала я думал: если государству нужен брак и брикетчики гонят брак, нам не стоит встречать, из чувства солидарности. И еще я думал, что если они угробят такое государство, то и мы угробим это государство, опять же из солидарности. А выходит, я думал, что солидарность – это когда один тащится за другим прямиком в дерьмо. Говорю вам это в порядке самокритики. Лучше скажу сейчас, чем потом, при всех.

ТЕХНОЛОГ

Солидарность – то, что на пользу классу. Для рабочего класс – первое дело.

Входит Рабочий из утренней смены.

РАБОЧИЙ

Скажу без обиняков, в Венгрии революция.

ШТОЛЬ

В Венгрии, это у нас?

РАБОЧИЙ

В Венгрии. Коллеги бастуют, хотят больше жрать, меньше вкалывать, а русских – к черту. Жирные коты залезли на крыши и стреляли в них. По радио передавали, что кровь рабочих окрасила улицы Будапешта.

СТЕКЛОДУВ

Это хорошо, нужно услышать об этом побольше.

Входит Секретарь парткома.

ТЕХНОЛОГ

Что происходит, Франц?

СЕКРЕТАРЬ

Уличные бои в Венгрии. Еще ничего не известно.

ТЕХНОЛОГ

Много чего известно.

СЕКРЕТАРЬ

Мало что известно. Может оказаться, что это слишком много.

РАБОЧИЙ

Отговорки.

ТЕХНОЛОГ

Есть факты, Франц.

СЕКРЕТАРЬ

Какие? Кто-то организовал демонстрацию, какой-то профессор по имени Лукач или Пётефи.

РАБОЧИЙ

Пётефи! Пётефи уже давно мертв, разве ты не знаешь?

СЕКРЕТАРЬ

Нет. РАБОЧИЙ

Сталин его отравил.

СЕКРЕТАРЬ

И ты в это веришь, трепло?

РАБОЧИЙ

А ты нет?

СЕКРЕТАРЬ

Вы задаете мне вопросы, ладно. Вопросы всегда – дело хорошее. А я не отвечаю, потому что не могу ответить, как положено. Венгрия, Монголия. Даже Китай. Разве я там был? Разве я – ученый? *Уходит на фабрику.*

ТЕХНОЛОГ

А правда, что рабочие участвуют в боях?

СЕКРЕТАРЬ

Участвуют. *Он возвращается.* Товарищи, акулы капитала... *Задумывается.* Венгры – горячий народ со слабой экономикой. *Задумывается.* Товарищи, я не знаю, что происходит, я просто знаю, что этого не должно быть, у меня просто нет никаких указаний, товарищи.

РАБОЧИЙ

У товарища секретаря еще нет бумаги, сейчас он не может думать.

СЕКРЕТАРЬ

Но я считаю, коллега, что у человека на то и мозги, чтобы думать и думать партийно. И прошу не обижаться, если я

снова напомним, что в сорок пятом году... СТЕКЛОДУВ

Нельзя ли покороче?

СЕКРЕТАРЬ

Начну с того, что в сорок пятом мы
В хреновом положении оказались.
Песчаный ветер над землей свистал,
А под землей, где уголь и руда
Лежат обычно, тоже было пусто.
Двойной пустыней, пустошью для нас
Тогда Германия родная стала.
Мы стали книжки умные читать —
Разбухшие, распухшие рецепты,
Как сытно люд рабочий заживет,
Последовав советам кулинаров.
Да только кухонь не было у нас
И ничего, чтобы сварить на кухне.
Не звякали ненужные тарелки,
Молчали ложки, вилки и ножи.
И мы такой подняли громкий крик,
Что заглушил он тишину посуды.
И с этим криком стали строить мы
Свою страну, и стали хмурить лоб,
На запад глядя, на капиталистов.
У богачей заводы там и шахты
И многие из нас туда стремились.
Они нам лгали вкрадчиво и тихо,
А правда наших хриплых голосов
Как фальшь звучала. Уж не говорю,

Прости мне, Господи, о жутком звуке
Беспомощной и жалкой нашей лжи.
Когда они пинали нас ногами,
Мы видели: их обувь лучше нашей
И замечали, что она дешевле.
Наследство Гитлера досталось им.
На деньги, краденые у рабочих,
Они убийц-бандитов нанимали.
И генерал Гелен, и Карол Шенке,
И желтый Карло Шмид, и Якоб Кайзер,
Бурьянек-диверсант, минёр мостов,
Дибелиус, военный капеллан, —
Они нас убивали и травили,
Нас поучали и взрывали нас.
И мы тогда атаковали их.
Зловонное Вчера мы штурмовали,
Крича «Ура!», чтоб мужества придать
Своей борьбе и ужас им внушить.
Хоть прошлое еще и в нас живет,
Мы над врагом победу одержали.
Товарищи, у нас полно проблем,
Но главную проблему мы решили:
Рабочий класс взял в государстве власть.
Германию мы заново собрали,
Республику построили свою,
Где каждому из нас найдется место
Достойное и дело по душе.
Мы движемся к свершениям великим,
Но вдруг я слышу, что рабочий класс

В стране соседней слабость проявил
И в силу этой слабости сорвался,
Рванулся не за нашим красным стягом,
А за кровавым белым побежал,
Братоубийственную начал драку
И в октябре Октябрь предал он.
И вот я думаю, (ведь вы просили
Сказать, что думаю, хоть мало знаю
И завтра мнение изменить могу),
Что это не соседей только дело,
Что их измена угрожает миру,
Единству пролетарскому вредит.
И стало мне так больно и погано,
Что не на шутку разозлился я.
Неужто в третий раз придется нам
Среди руин в убежищах сидеть?
Неужто мы опять войну затеем?
Зачинщики венгерских безобразий
Ведут себя, как тот, кто свой пиджак
Единственный швыряет на помойку,
А дворе холодная зима.
Как тот, кто хочет хлеб испечь на кухне
И топит печку собственным зерном.
Как тот, кто хочет больше света в доме
И поджигает дом своей свечой.

Вот так соседи улучшают жизнь.

СТЕКЛОДУВ

Да... Вроде бы все ясно, секретарь.

ВАЛЕСКА *с флагами*

Товарищи, вот что получилось. Не то чтобы искусство, но красные, как ад.

СЕКРЕТАРЬ

Флаги?

ТЕХНОЛОГ

Мы выполнили план благодаря пролетарской солидарности. Давайте развернем флаги и прогуляемся на комбинат “Эрнст Тельман”, доложим партии, что она может на нас положиться.

РАБОЧИЙ

Гуляйте. А мы – на смену. Завтра увидите, товарищи, как хорошо пошла у нас работа. *Уходит на фабрику. Остальные отправляются на демонстрацию.*

БИРКЕНБИЛЬ *входит, оглядывается*

Пока все спокойно. Подожду, когда разразится восстание и в конце концов его возглавлю. *Музыка. Маршируют боевые отряды. Демонстрация.*

Действие четвертое

У Нелли

Нелли входит с Музером

НЕЛЛИ

А ты был похож на птенчика. На маленького такого черного птенчика, когда он дрожит, перья на горле топорщатся, а кругом только снег, куда ни глянь. *Снимает туфли и чулки, потом пальто.* Вешалка там. *Достает из шкафа тарелку, ест.* Кислятина. Есть хочешь?

МУЗЕР *в пальто и шляпе садится за стол*

Нет ли чего выпить?

НЕЛЛИ

На меня шнапс не действует.

МУЗЕР

Мне холодно.

НЕЛЛИ

Я подкину пару углей, станет уютней. *У железной печки.* Ты имеешь дело с брикетами?

МУЗЕР

С брикетами? Нет. Как вы могли подумать? При чем тут брикеты?

НЕЛЛИ

Значит, со стеклом. Сейчас расскажу тебе свою доподлинную историю. Раньше у меня были клиенты с брикетной фаб-

рики. Порядочные люди. Денег куры не клюют. И ни с того, ни с сего все вдруг пропали. Можешь это объяснить? А я на нуле, голая-босая. Что случилось? Может, кто-то обо мне чего наврал, так ведь и наврать нечего, про меня все известно. И чем же я вдруг стала нехороша? *Снимает платье и встает перед ним.* Ну, что?

МУЗЕР

Все честно, без обмана.

НЕЛЛИ

Я неделю ломаю голову, чуть с ума не сошла. Что мне делать? Работать? Да я скорей в из окна выпрыгну. Угадываешь? Верно, новые клиенты. Со стекольной фабрики. Да я же тогда понятия не имела, что у нас есть стекольная фабрика. Классные работяги, богатые, веселые. И единственная разница, что эти держат крепко, а слабаки с брикетной все ощупывают, будто боятся, что оно сломается. На меня это не действует. Теперь уже можешь раздеться.

МУЗЕР

Коллега, ночь длинная. А как эти брикетчики, они потом еще приходили?

НЕЛЛИ

Из них никто. Они в полном прогаре, план не выполняют. Теперь план, слава богу, выполняют стеклодувы. Спасают меня. Случайность или судьба? *Снимает нижнюю юбку, спрашивает.* Так и ляжешь в постель в галошах?

МУЗЕР

Ни в коем случае, спасибо. *Снимает галоши и обувь.* Я вообще не собираюсь ложиться. С вашего позволения проведу ночь в этом кресле поближе к печке. Совсем замерз.

НЕЛЛИ

В постели согреешься. *Хочет помочь ему снять пальто.*

МУЗЕР

Постарайтесь меня понять. *Вытряхивает снег из манжет брюк.* Приезжаю вечером, с вокзала иду в гостиницу. Узнаю, что свободных мест нет. В частной гостинице тоже нет. Звоню своему... начальству, никого уже не застаю. Решаю провести ночь на вокзале. Ресторан закрывается в час. Зал ожидания не отапливается. Я иду гулять. Вы заговариваете со мной, давая понять, что я дрожащий птенец, и меня надо переместить в гнездышко. Имея в виду, что мои ботинки наполняются снегом, а также мою склонность к мозолям, я следую за вами сюда. А теперь заявляю, что доволен этим креслом. О цене за ночь мы договорились, и я могу потребовать, чтобы вы оставили меня в покое.

НЕЛЛИ

Оставить в покое? *Перестает есть.* Как вы думаете, где вы находитесь? В отеле?

МУЗЕР

Скорее в борделе.

НЕЛЛИ

Значит, мог бы переспать со мной.

МУЗЕР

Что вы, что вы такое думаете!

НЕЛЛИ

Думаю, что ты свинья.

МУЗЕР

Вы ошибаетесь.

НЕЛЛИ

Будь я такой же тупицей, я бы так не выпендривалась. Я незамужняя одинокая женщина, и с тех пор, как три месяца назад умер мой муж, генерал, сама зарабатываю на жизнь. Тут уж приходится выполнять кое-какие требования. Но такой неаппетитной гадости от меня еще никто не требовал.

МЕУЗЕР

Коллега...

НЕЛЛИ

Не называйте меня коллегой. Думаете, человек работает только ради денег?

МУЗЕР

А ради чего еще?

НЕЛЛИ

Ох, я и впрямь стою больше тебя, если ты так говоришь. Да еще три порции заливного, прикинь. *Ставит еду в шкаф, закрывает дверь.* Тащит меня в грязь, да еще деньги предлагает. *Вытаскивает из-за пазухи купюру в пятьдесят марок и бросает ему.* Ох, какой же свиньей была та баба, что произвела на свет такого поросся.

Брикетная фабрика

Хофман накрывает подарочный стол. На развороте газеты цветы, сигареты, консервы.

ХОФМАН

У Цидеванга день рождения.

Входят Фидорра и Раушенбах.

Каждый скидывался на подарки, кто сколько мог, только Фидорра ничего не дал.

ФИДОРРА

У меня дома жена. *Уходит.*

ХОФМАН

Говорят, у нее самой много денег.

РАУШЕНБАХ

Тем дороже она ему обходится.

ФИДОРРА *возвращается*

От меня он тоже кое-что получит. Правда, это не деньги, а сюрприз. А по сути деньги. Я хочу удлинить скат. Тогда путь брикетов станет длиннее, на них придется большее давление, и прочность повысится. Эх. Тина, эта катавасия длится вот уже три месяца, ноябрь, декабрь, январь, чертова зима. Я пришлю тебе сюда Герберта. Задержи его, будь поласковой. Увидимся позже на этом месте, тогда и отпразднуем. Как положено. Моя идея меняет все. *Уходит с Раушенбахом.*

КИКУЛЬ *входит, осматривает стол*

А ты ловкая, Клементина. Как моя жена в молодости.

ХОФМАН

Как она поживает? Что поделывает?

КИКУЛЬ

Всегда одно и то же. Ее стул стоит у окна, но окно выходит во двор. Видит она плохо, читать не может, от радио у нее голова раскалывается. Ей только и радости, что выпить кофе. *Показывает маленький пакет.* Подорожало оно, это кофе.

ХОФМАН

Не дороже, чем всегда.

КИКУЛЬ

Для меня подорожало.

ЦИДЕВАНГ *входит из прессовочного цеха*

Что вы тут затеяли?

ХОФМАН

Дорогой Герберт, желаем тебе всяческих успехов. Мы теперь небогаты, сам знаешь. Но приготовили для тебя кое-что, а цветы означают, что мы о тебе не забываем.

ЦИДЕВАНГ *внимательно все осматривает*

Скверные настали времена. Сплошной дефицит. Вы и впрямь расщедрились.

ХОФМАН

Этого, конечно, мало.

ЦИДЕВАНГ

Да уж, негусто.

ХОФМАН

И мы поздравляем тебя от всего сердца.

КИКУЛЬ

Поздравляю.

ЦИДЕВАНГ

Все уместится в одном кармане. *Засовывает в карман подарки, цветы оставляет на столе.* На дне рождения Раушенбаха был хотя бы кофе.

КИКУЛЬ

Вот кофе.

ЦИДЕВАНГ

Почему не сразу?

КИКУЛЬ

Шутка.

ЦИДЕВАНГ

Я не люблю шуток. Между прочим, у Раушенбаха было полфунта. *Хочет уйти.*

ХОФМАН

Ты уходишь?

ЦИДЕВАНГ

Надеюсь, я ничего не забыл?

ХОФМАН

Но Макс позаботится о прессе, можешь спокойно остаться на нашем маленьком празднике.

ЦИДЕВАНГ

Праздник, говоришь? *Закуривает одну из подаренных сигарет.* Ну да, конечно, праздник рабочих. Торжество правящего класса, это так называется? Правда, мало кофе. Я был знаком с господствующим классом. Хофман, как они жили, как жили!

КИКУЛЬ

Так будет жить рабочий класс.

ЦИДЕВАНГ

Так не будет.

Врываются Папмайер и Холдефляйс.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Эртель здесь? Нет?

ПАПМАЙЕР

Эртель уволился две недели назад. Я только что узнал.

Устало. Он бросает нас, черт бы его побрал! А кто будет гнать брикеты?

ЭРТЕЛЬ *входит, в костюме*

Давайте, братья, на прощанье пожмем друг другу руки.

ПАПМАЙЕР

Значит, бросаешь нас?

ЭРТЕЛЬ

Я совершенствуюсь, ибо ухожу туда, где живется лучше.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Куда?

ЭРТЕЛЬ

На стекольную фабрику, конечно.

ЦИДЕВАНГ

Соображает. Это голова.

ХОЛДЕФЛЯЙС

На стекольную фабрику?

ПАПМАЙЕР

Которую ты разорил?

ЭРТЕЛЬ

Да, теперь стекольная фабрика разоряет нас. Потому и ухожу туда.

ПАПМАЙЕР

Фриц, ты мастер, у тебя специальность.

ЭРТЕЛЬ

Теперь я чернорабочий, и у меня есть деньги.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Рабочий бог на самых сильных ставках.

ЭРТЕЛЬ

Кто бы говорил.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Ты предаешь нас, товарищ.

ЭРТЕЛЬ

Что случилось с малышкой? Она так много болтает.

ЦИДЕВАНГ

Накачивает нас воздухом Кунце.

ЭРТЕЛЬ

Рыба ищет где глубже. Даже червь следует за своим пропитанием.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Так то червь.

ЦИДЕВАНГ

Ну, Эмма, теперь я хочу тебе кое-что сказать. Если тут кто и виноват, что этому коллеге все обрыдло, то это ты. Фриц

Эртель опытный работник, стоит у печи, сушит быстро, как только может. Я стою у прессы, формую так быстро, как только могу. Но между нами двумя у решетки охлаждения торчишь ты и тормозишь темп, это так?

ЭРТЕЛЬ

Так оно есть.

ЦИДЕВАНГ

Ты душишь поток угля.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Пока он не остынет.

КИКУЛЬ

Разве ты не голосовал за соревнование?

ЦИДЕВАНГ

Человек чувствует социальное окружение, присоединяется к большинству. Но что значит большинство? На нашей фабрике каждый зависит от каждого. Вместе мы сила, а когда враждуем – нищие и звать нас никак. Никому не позволено отрываться от коллектива, она сама так говорит, может, оно и правильно.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Правильно, а ты все переиначиваешь как враг.

ЦИДЕВАНГ

Я враг?

ХОЛДЕФЛЯЙС

Ты торговец маргарином.

ЦИДЕВАНГ

Когда-то был.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Для него коллектив, как для буржуа буржуй.

ЦИДЕВАНГ *мягко*

Если ты продолжишь тормозить, Эмма, Эртель уйдет, и мы получим не только плохое качество, а вообще никакого. Ты устраняешь дефекты брикетов, устраняя брикеты. Коллективное бытие взрывает коллектив. Оно саботирует производство.

ХОЛДЕФЛЯЙС *в отчаянии*

Ты саботируешь коммунизм.

ЭРТЕЛЬ

Теперь у нее снова полон рот, кошелек-то опустел.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Мой кошелек совсем не пуст, а полон.

Я в нем ношу всемирный коммунизм.

И очень скоро мы в него войдем.

Об этом уже есть постановления.

Товарищи, представить коммунизм

Не очень трудно. Нужно лишь поверить,

Что в жизни будет все наоборот.

Ведь путь одно, а цель – другое дело.

Вы все заботы нынешние наши,

Вообразите чередой удач.

И весь наш надоевший дефицит

Себе представьте в полном изобилие.

И нарисуйте серой краской будней
Грядущего цветное полотно.
Все государства голубой планеты
Спустили в океан машины смерти
И закопали их на глубине.
Последние великие герои,
Последние святые христиане
Встречаются в традиционных клубах,
Чтоб вспомнить о прошедших временах.
Они подобны старым петухам,
Чье пенье молодежь не вдохновляет.
Границы уж давно покрыты пылью,
А двери всевозможных учреждений
Раз навсегда закрыты на замок.
Ведь на земле танцуют и поют
И радуются жизни, как на Пасху.
Веселый смех повсюду раздаётся,
И радость не сменяется уныньем.
Мы труд великим счастьем называем,
Работая мозгами и душой
Не ради денег и не из нужды.
И слово самое «нужда» забыто,
А деньги так вообще отменены.

ЦИДЕВАНГ

Отменяй деньги, Эмма. Но не здесь, не у нас. *Все смеются.*

ХОЛДЕФЛЯИС

То, что я сказала, было глупо? Я имею в виду, сейчас, здесь – глупо? Я не так давно начала выступать, может, говорю слишком много. Конечно, товарищи, мы, должны выйти на план и получать оплату по результатам.

ПАПМАЙЕР

Без Эртеля не получится.

ЭРТЕЛЬ

И со мной не получится.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Получится. С тобой и с новыми подходами.

КИКУЛЬ

Раньше, при эксплуататорах, когда еще все работало, слайды были длиннее. Я думал об этом, товарищи. Если мы удлиним слайды, это увеличит прочность.

ПАПМАЙЕР

Это не сработает. Котел не выдержит.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Потому что второй котел отключен. Нужно немедленно усовершенствовать технологию. Мы многое здесь упустили; думаю, все мы вели себя как герои, а не как коммунисты.

ЭРТЕЛЬ

Я люблю зарабатывать деньги, но делать брикеты я тоже люблю. Могу остаться еще на неделю.

ЦИДЕВАНГ *злобно*

Я ухожу.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Не уходи. Макс рядом. *Очень сильный грохот и треск. Пауза.*

РАУШЕНБАХ *входит*

Пресс сломался.

ЦИДЕВАНГ

Вы что натворили?

РАУШЕНБАХ

Хотели как лучше. Барбос удлинил слайд, но давления не хватило.

ХОЛДЕФЛЯЙС

Это был подарок тебе на день рождения, Герберт.

ФИДОРРА *входит*

Только потому, что котёл никто не ремонтирует. Будь у нас второй котел, был бы навар. Это моя старая идея, очень хорошая идея.

ЭРТЕЛЬ

Ну, как я уже сказал, прощайте. Не поминайте лихом вашего старого Фрица Эртеля, который сейчас ускользает у вас из-под носа. *Уходит.*

ХОЛДЕФЛЯЙС *Фидорре*

Мало что дурак, у тебя еще и мания величия.

ЦИДЕВАНГ *очень доволен*

Спасибо, сынок, за хороший подарок. Ведь все летит к чертям. *Публике.* Завтра окружная конференция. Я записался в выступающие и в этих условиях преподнесу им приятный сюрприз.

Очень большой транспарант: Наш вклад в угольную и энергетическую программу: Перевыполним план на 1 000 000 тонн брикетов.

Танцзал в клубе комбината

Портрет Ленина, разноцветные бумажные гирлянды.

Длинный стол, покрытый красной скатертью. Пустые суповые тарелки с ложками: Музер, Мельц, другие; один ест.

МУЗЕР сонный, заглядывая в свои записи

Продолжим заседание совета
Уполномоченных. Необходимо,
Понять, в каком сейчас мы положение,
И как нам нужно действовать немедленно,
Чтоб силу обстоятельств превозмочь.
Так человек больной обязан знать
Свою болезнь, чтоб подыскать лекарство.
Промышленность страны напоминает
Гнездо, где подрастают великаны,
Чей аппетит слегка пугает мать.
По мере роста голод их растет,
Мать открывает шкаф – там хлеба нет.
В шкафу скелет венгерского восстания.
Поставки прекратились с октября.
И мать (правительство) с тех пор не знает,
Чем наполнять железные желудки
Своих птенцов голодных (то есть фабрик).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.